

VASIL4ENKO & SMEKLOF

16+

Пайны Купеллена

Дело о запертых кошмарах

Смеклоф

**Тайны Кипеллена. Дело
о запертых кошмарах**

«Автор»

2018

Смеклоф

Тайны Кипеллена. Дело о запертых кошмарах / Смеклоф —
«Автор», 2018

Тяжела участь мага-припоя Ночной стражи славного города Кипеллена - ни выпить, ни расслабиться. Жуткое чудовище повадилось жрать ни в чем не повинных горожан. Начальство давит, требуя поскорее его поймать, и как водится, больше мешает, чем помогает. А тут ещё ключ к личному спасению господина мага оказывается не в тех руках. Впору пойти напиться с горя, а нельзя. Ну да ничего, где наша не пропадала!

© Смеклоф, 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1 в которой, как и положено, начинаются неприятности.	5
Глава 2 в которой остается только хвататься за голову	16
Глава 3 В которой мы узнаем кое-что о работе книгопродавца	29
Глава 4 в которой происходит первое столкновение интересов	43
Глава 5 в которой всему виной стечение обстоятельств	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ольга Васильченко, Сmekлоф

Тайны Кипеллена. Дело о запертых кошмарах

Глава 1 в которой, как и положено, начинаются неприятности.

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

Ясное осеннее солнце лениво плыло по небу, перебираясь от одной пушистой тучки к другой. Пронзительная синь, заливавшая небосклон лишь в такие погожие осенние дни, радовала глаз. Золото и багрянец древесных крон кострами горели на фоне неба. Ветер гнал по реке мелкие волны, а на них, верткими лодчонками, покачивались яркие резные листья. В такие дни Чистинка будто оживала, напиваясь яркими красками осени и свежим прохладным воздухом. Летом зеленая, а осенью свинцовая река уже не казалась такой запущенной и угрюмой, отражая синее небо.

Старинный мост, сложенный из серых камней, подобно спине диковинного существа, навеки соединил берега Чистинки, петлявшей среди восточных кварталов Кипеллена и впадавшей в залив Святого Щуся. Его широкие каменные опоры покрывал мох, а ниже, в воде, вились длинные бороды водорослей. Отполированные множеством рук перила поблескивали на солнце. А под мостом, как водится, жил тролль, взимающий плату за проход. У входа на обоих берегах стояло по жестянке, а витиевато расписанная шильда возвещала, что требуется уплатить по медяку с пешего, по три с конного и аж десять – с телеги. Я, как всегда, пошла бесплатно. Иначе тролль бы давно обогатился, а некая Алана де Керси пошла по миру. Через мост пролегал мой ежедневный путь на работу и обратно.

Румпель возился под берегом, сгребая в кучу выброшенные рекой водоросли и палые листья. Дверь в халупу, гордо именуемую таверной «Под Мостом», была распахнута и оттуда разносился умопомрачительный аромат специй. Вообще-то, полное имя тролля Румпельсти-лтскин, но каждый раз выговаривать зубодробительное сочетание букв губы устанут, и я сократила его до ёмкого Румпеля.

Смотритель моста делал вид, что поглощен уборкой, однако стоило вашей покорной слуге приблизиться к противоположному берегу, как он с обезьяньим проворством вскарабкался на мост и преградил дорогу. Был там, стал здесь, я даже глазом не успела моргнуть. Песочно-бурые пряди свисали из-под застиранного платка, чуть шевелясь на ветру. На грубоватом лице с характерным горбатым носом резко выделялись пронзительные прозрачно-серые глаза. Жесткая черная кисточка длинного гибкого хвоста сердито подрагивала. Тролль был всего-то на полголовы выше, зато раза в полтора шире. Массивная кряжистая фигура перегородила проход. И не обойдешь, и не сдвинешь!

– Медяк с пешего! – безапелляционно потребовал он. – Аланка, там же растийским языком написано!

– Знаю, – фыркнула я. – Сама же тебе эту шильду и рисовала. За что ты благодарно разрешил мне пользоваться мостом бесплатно.

– Злая ты, – тяжело вздохнул тролль, почесывая заросшую короткой светло-бежевой шерстью лапу, назвать его конечность рукой, язык не поворачивался. – Что тебе стоит кинуть старине Румпелю медяк для поддержания штанов?

– Целого растийского медяка, – ухмыльнулась я, – тем более, что он твою мошну все равно не спасет, а штаны на тебе и так ладно сидят.

– Тогда, может, хоть кружечку глентвейна пропустишь перед работой? – заискивающе предложил он, в надежде получить вожаденный медяк законным способом.

О... а вот это уже удар ниже пояса, ибо к глентвейну я питала особую слабость. А к глентвейну старины Румпеля – вдвойне. Что он туда намешивал, тайна за семью печатями, но получалось божественно. А мне, известной мерзлячке, коченеющей на противном сыром ветру за несчастные пять минут от дома до работы, жизненно требовалось согревающее. Обычно, когда мои зубы переставали стучать о край кружки, дегустация перетекала в травлю баек, коих Румпель знал великое множество, и на работу я безбожно опаздывала. Тогда мой хозяин, пан Франц Врочек, вместо приветствия привычно ворчал: «Опять с Румпелем наклюкалась». Но сегодня погода радовала, настроение стремилось к отметке «чудесно», и здравое решение не портить его недовольным ворчанием пана Франца было оправданно. Если появлюсь в лавке на час позже, благоухая вином, специями и речной тиной ворчать от будет долго. Посему, от заманчивого предложения пришлось отказаться.

– Ну чего ты сегодня такая бука? – слегка обиделся тролль. – У тебя чего, это самое?..

– Румпель, – вздохнула я, зябко кутаясь в шерстяную шаль насыщенного горчичного цвета. – Если бы у меня было «это самое», послала тебя к купке водзянеку¹ ещё до того, как ты открыл рот.

– Может, тогда вечером, а?

– Подумаю, – откликнулась я, ступая, наконец, на мостовую.

– Да, и Врочек с собой захвати! Старый книгопродавец обещался зайти ещё месяц назад! – крикнул мне вслед Румпель.

– Хорошо! – я махнула на прощание рукой и поспешила через улицу к резной двери, отмечая на ходу, что пора помыть витрину и обновить товар.

Книжная лавка «У моста» скромно приютилась между массивным домом гильдии ювелиров-чеканщиков и вычурной каменной шляхтичей Гольд-Портоницких, теряясь на фоне внушительных соседей. Резная вывеска скрывалась в тени козырька над входом, совсем не привлекая внимания. Но покупатели в лавке никогда не иссякали, а пан Врочек важно говорил, что те, кому надо, нас и без вывески найдут, а те, кому не надо, пройдут мимо в любом случае. Уж больно не любил старик празднующихся особей, забредающих в лавку лишь для того, чтобы, по его словам, вытереть руки о книги.

Я толкнула дверь и заскочила в уютный квадратный зальчик с верхней галереей и высоким потолком. Стеллажи светлого и темного дерева опоясывали стены, вздымаясь ввысь. Их заполняли десятки, сотни, тысячи книг... На галерею уводила крутая лестница с витыми перилами, щерящимися на концах шишковатыми головами то ли неведомых науке змеев, то ли пресловутых книжных червей. А между верхними стеллажами темным пятном выделялась дверь в жилые покои хозяина. Я опасливо покосилась на неё, похоже, Франц ещё не спускался. Когда попала сюда в первый раз, то сразу и навсегда влюбилась в дивный, немного жутковатый мирок, где жили книги. Да-да, именно жили, ожидая прихода своего покупателя, чтобы покинуть лавку и водрузиться на полку в домашней библиотеке или шлепнуться в стопку своих товаров на тумбочке в общежитии Школы Высших Искусств, а может, улечься в дорожную сумку очередного бродяги...

Стоило мне переступить порог, как над головой приветственно зашелестела листьями Ива, и моего плеча шершавой веткой коснулся Ясень. Я погладила грубую кору древесов в ответ. Они росли внутри у входа, пол под их стволами убрали, оголив землю. До моего появления в лавке полуразумные деревья-охранники оставались безымянными, но с моей легкой руки превратились в Ясеня и Иву. В отличие от обычных деревьев, им не требовалось много солнечного света, а вполне хватало того, что проникал в лавку сквозь витрину. А уж охранников подобных Иве и Ясеню было не сыскать днём с огнём. Пронести мимо них даже крошечную брошюрку, не заплатив – невозможно. Стоило воришке попытаться проскочить между неподвижными с виду древесам, как гибкие цепкие ветви мгновенно оплетали его и не давали пошевелиться. Вдобавок эти двое успевали изрядно потянуть из жертвы жизненных сил.

Корни и ветви древесов давно и прочно проросли в стены лавки, и то, что многие принимали за резной орнамент на деревянных панелях, на самом деле было частями древесов, спящими до поры, но гибкими и быстрыми, когда нужно. Однажды я видела, как из стены рванулся гибкий прут, и молниеносно спеленал незадачливого воришку, накрепко припечатав к стене. После нескольких промашек воровская гильдия обходила лавку Врочека стороной.

Я швырнула сумку на загроможденную столешницу и тоскливо подумала, что пора требовать стол побольше, этот уже не вмещает весь бардак. Ася, сидевшая на стремянке у стеллажа, оторвалась от чтения, парившего перед ней фолианта:

– Привет, малышка, – прошелестела она, взмахом полупрозрачной руки отправляя книгу на полку.

– Привет, – я уже шарила в ящиках стола, извлекая необходимые принадлежности.

Ася эфемерным облаком перелетела ко мне, привычно поправляя сбившуюся шаль, такую же прозрачную, как она сама.

Анисия – книжный призрак. В посмертии душа привязывается к месту, реже – к человеку, а наша Ася привязалась к любимой книге. Неприятно удивив Врочека, в придачу к очередному фолианту получившего наглого призрака. Продать книгу не получалось, ибо Анисия тут же появлялась рядом и честно предупреждала, что вместе с книгой придется забрать и её. В конце концов, хозяин плюнул на это безобразие и оставил фолиант и призрака в покое.

Но как по мне, лавка от этого только выиграла. Ася оказалась милейшим, а главное незаменимым существом. Лучше её книги в нашей лавке не знал никто. К тому же Врочек быстро приуныл, натравливая призрака на непрошенных гостей. Большинство из них при виде полупрозрачной дамы замогильным голосом предлагающей помощь, вылетали из лавки с воплем: «Изыди!».

– Ух ты! – любопытная Ася тут же сунулась в брошенную на стол папку. – Малышка, твои работы с каждым разом все лучше! Врочек ещё не скрежещет зубами от зависти?

– Скорей, плюется ядом недовольства и считает, что растрачиваю талант попусту, – усмехнулась я, вытаскивая из сумки эльфийский роман, который заканчивала иллюстрировать.

И хоть брали меня в лавку помощником книгопродавца, степень мастера-живописца, добытую десятью годами обучения в Школе Высших Искусств, никто не отменял. Так что иллюстрации к эльфийским романам в безумном количестве поглощаемых моей лучшей подругой, давали неплохую возможность подзаработать. Хозяин, сам мастер-живописец, сначала ворчал, но потом смирился и даже начал спихивать на меня часть своей работы.

Стоило перевернуть табличку на двери и вернуться на место, как явился первый посетитель. Колокольчик приветственно звякнул, а я интуитивно вжалась в кресло, более всего желая провалиться под пол! В лавку, покачивая в руке черную отполированную трость, вошел Бальтазар Вильк...

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоя Ночной стражи

Сырость, холод, вонючие листья и тоскливый ветер с залива. Ненавижу осень! На улицах опять снуют толпы студентов, вернувшихся после каникул. Во время отдыха толк из них выходит, а вот бестолочь возвращается обратно на учебу. Вбивай потом в их оскудевшие мозги всё по-новому. Легкий приступ ностальгии противно кольнул сердце. Хотя, что мне? Скоро седьмой год, как свет мудрости в дремучие студенческие головы проливают другие. Я с легкой завистью проводил взглядом шумную ватагу прогомонившую мимо дилижанса. Они-то бодрые, румяные, здоровые – им промозглые длинные дни нипочём. А у меня подранная топляком нога так ноет, что впору выть, как этот самый топляк. Даже неожиданно выползшее солнце уже не греет, зато подло слепит глаза. Хотелось захлопнуть дверцу дилижанса и юркнуть обратно в темноту кабины, чтобы убраться подальше от Кипеллена, хоть назад в Ривас, а хоть бы и дальше в Зодчек. Всё равно! Лишь бы не слышать противный голос капитана Браца. Не успел вернуться, а он уже несётся навстречу, как соскучившийся пёс. Того и гляди испачкает штаны грязными лапами и обслюнявит рукава. Брр! На распутывание преступления у него нюха не хватает, а почуять меня, пожалуйста. Красная рожа, чудовищная одышка и мокрая от пота рубашка на груди. Снова скачет на месте убийства, топчется по следам и орёт как скальный дракон во время брачного периода. Хотя, тут я слегка покривил против истины. Может, Брац и был неважным следователем, зато управленцем – отменным, и свой капитанский кусок хлеба с маслом ел не зря. Только любовь к показушности, мол глядите как Ночная стража работает на благо мирных горожан, временами изрядно раздражала. Тем более, времена сейчас не лучшие. Светлейший князь растийский больше интересуется охотой, чем государственными делами. Власть крепко держит в руках гильдия купцов. Они занимают почти все места в городском совете, даже градоначальник из их числа. Но гильдия алхимиков набирает силу и наступает им на пятки. Так что любое громкое дело тут же берётся под контроль.

Пока Брац нёсся ко мне, словно разъяренный чмопсель, потрясая на ходу толстыми щеками, получилось осмотреться и... Вот на кой леший на месте преступления отираются штатские? Снова не обошлось без городских властей? Я иронично усмехнулся в усы, опознав в одном Кузьму Куцевича, сына кипелленского головы и по совместительству секретаря городского совета. Давно ходили слухи, что старик Куцевич прочит сына на свое место. Хотя по городу этого молодчика иначе как Куцем не называли, а обзывали и того хлеще. Уж больно нрав у парня был дурной, да буйный. Вторым гражданским оказался мой бывший коллега по боевой кафедре Школы Высших Искусств старый брюзга Рекар Пшкевич. Лет ему было что-то ближе к пятидесяти, но выглядел так, словно позавчера похоронили. Он, хоть и не принадлежал ни к одной из враждующих гильдий, давно прописался в городском совете и упорно лез выше. А дело-то, похоже, с магическим душком. Иначе стороннего мага не позвали бы, а дождались меня. Да и сам Пшкевич ради ерунды никогда бы вмешиваться не стал.

Он, видно почуяв на себе мой взгляд, обернулся и поморщился. Я шутливо отсалютовал заклятому коллеге по цеху. Но тут капитан, наконец, протолкался ко мне и, как всегда, переложил с больной головы на здоровую.

– Опять! Опять! – ревел он, тяжело дыша, так что тугой живот подскакивал с каждым вдохом. – Где вы пропадали, Бальтазар? У нас тут пять карачунов! А вы сидите в дилижансе! Благо, пан Пшкевич согласился помочь. А у него, между прочим, заседания в городском совете, да еще начало учебного года, студенты... Не разорваться же ему...

– И я вас очень рад видеть, пан Брац! – с удовольствием перебил я капитана, без лишних церемоний отодвинув с дороги. – Передайте пану Пшкевичу, что более не смеем его задерживать. Студенты ждать не будут.

Он ещё что-то вопил, но слушать было совсем не обязательно. Пять мертвецов за две недели – это перебор. Как бы нежить ни оголодала за проклятую осень, она не станет охотиться посреди Кипеллена, уж на это у неё мозгов хватит. А тут разорванный в клочья щёголь. Судя по остаткам камзола из приличной семьи. Цвет хороший и материал дорогой, жаль не спросишь, где купил. Взял бы себе такой же для официальных церемоний. Хотя, надо ярлык посмотреть, порядочный портной всегда оставит свою фирменную метку.

Я замахал руками, разгоняя столпившихся служащих Ночной стражи, и кивнул Мареку и Казимиру. Моим мальчикам на побегушках, которых некоторые почему-то называют младшими помощниками. Скривившись от боли в ноге, я наклонился над телом. И почему эта тварь прикончила паренька именно посреди Люстерной улицы? Оттащила бы куда-нибудь в тупик. Пока нашли, у меня бы было время переодеться, принять душ, может быть, даже поесть. Ему-то уже всё равно, а мне теперь пачкать выходные брюки и рисковать застрять на работе до вечера. Я сдёрнул перчатки, ещё не хватало заляпать кровью дорогую оленью кожу, нехотя потянул вверх мешковину и чуть не брякнул:

– «День добрый, уважаемый, не холодно лежать-то? Шли бы вы до погоста, не портили мне утро?».

Капитан совершенно не ценил моего своеобразного юмора, да я, признаться, и не старался произвести на него впечатление, но вступать в перепалку сегодня не хотелось. Осень она не для перепалок, а для стаканчика горячего глинтвейна перед камином. Вот только глинтвейн мне ещё долго не светил. Жизнь припоя не сахар и не мёд, и уж, тем более, не ароматное вино.

Истерзанный щёголь беспокоил меня всё больше. Что-то неестественное было в его позе, характере повреждений, даже выражении остекленевших глаз. Раны на руках и плечах не типичны! Обычно жертвы не находят в себе сил сопротивляться нежити. А этот оказался смельчаком, пытался защититься. Безуспешно, но достойно уважения. Грудь зверски истерзана, брюхо вспорото. Края раны неровные, рваные. Я вздохнул. Очень большие загнутые когти, такие серпы у кого попало не растут, придётся с картотекой повозиться. Но подозрения уже есть, будь они неладны. Надо зайти к нашим трупарям, узнать, кто осматривал предыдущих жертв, и потрясти Марека с Казимиром. Наверняка сопровождали Пшкевича на ранние убийства. Хотя тут можно не ждать – вон они стоят, носами шмыгают. Я, не поднимаясь, повернулся к мальчикам на побегушках, пускай блеснут, и мрачно глянул снизу-вверх:

– Что скажете, панове?

– Маньяк это, пан Вильк, – почесавши затылок, выпалил Казимир, – как есть маньяк!

– Ты братец, мне сюда ещё некромантов приплети, – расстроился я. – Меньше детективов читай, Казик! Больше по сторонам смотри.

Этот белобрысый обалдуй изучал наше непростое ремесло по бульварному чтиву.

– Какой, к дидьку лысому маньяк! – задумчиво взъерошил волосы пятерней второй знаток.

Почесыванием затылков эти двое шевелили свои сонные извилины. Иначе у них мысли до языка никак не добегали. Дело проверенное.

– Это жрун, – продолжил умничать Марек, не переставая трепать свои рыжие космы.

– О как! – деланно восхитился я. – Стоило подольше позагорать в Болотном краю, глядишь, вы бы и преступление раскрыли. Знаешь, что дают тем, кто открывает новый вид несуществующей нежити?

Рыжий нахмурился и опустил глаза:

– Подозреваю.

– Правильно подозреваешь, по шее им дают, – подтвердил я и поморщился. – Протоколы по этому и четверым предыдущим трупам должны лежать на моём столе через пять минут, если вы, конечно, работали под началом пана Пшкевича, а не ворон считали. Ваши соображения, только без журунов, тоже!

«Мальчики на побегушках» козырнули, и мне не оставалось ничего другого, как снова повернуться к телу. Достав из внутреннего кармана футляр, с которым никогда не расставался, я вынул длинную прозрачную колбу с зачарованной водой и пинцет. Отметил, что полных колб осталось удручающе мало. В Болотном краю довелось потратить больше, чем предполагалось. Надо бы наведаться на кафедру алхимии, пополнить запасы, иначе рискую остаться беспомощным в самый ответственный момент.

Пришлось всё же пожертвовать штанами и встать на колени. Иначе засохшие брызги крови уже не разглядишь. Между камнями брусчатки притаились багровые песчинки. Они-то мне и нужны. На трупе, конечно, крови было значительно больше, и наклоняться бы так низко не пришлось, да только пользы мне от неё никакой. Мертвая кровь ничего не расскажет, а вот брызги, что летели из умирающего, но ещё живого тела, самое то. Эти крошки раскроют мне свои секреты, не будь я магом-припоём. Подцепив песчинки пинцетом, я бросил их в колбу, прикрыл растерзанного франтика мешковиной и поднялся. Потом испытаю на себе последние минуты жизни жертвы, такая уж у меня работа. Да вот только и так есть подозрение, что за «жрун» хозяйничает в городе, но лучше бы я ошибался. Подобные раны уже встречались мне, правда не в Кипеллене и даже не в пределах Растии.

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

Панический страх накатывал каждый раз, когда порог лавки переступал Бальтазар Вильк. А поскольку, он наш постоянный клиент, провалиться под землю мне хотелось с завидной регулярностью. До городской Ночной стражи пан Вильк преподавал на магическом отделении Школы Высших Искусств. Студенты его боготворили, а студентки томно закатывали глаза и изобретали очередное приворотное зелье. Я же – боялась до колик в желудке. Из-за меня семь лет назад Вильк чуть не лишился ноги, вылетел с кафедры боевой магии и потерял возможность её возглавить. Пан Бальтазар оказался злопамятен, и красочно описал, что сделает с виновником всего вышеперечисленного.

Перед глазами на секунду встала узкая палата в лазарете Четырех Пресветлых насквозь пропахшая кровью и зельями. Я пробралась туда, наплевав на запрет Учителя не соваться к израненному магу; чтобы исправить случившееся по моей вине несчастье. Вильк, дурной от потери крови, накачанный обезболивающим и противоядиями так, что едва из ушей не текло, меня чуть по стенке не размазал. Все эти годы тешила себя надеждой, что он толком не запомнил моего лица, и каждый раз икала от ужаса, страшась разоблачения. Вот уже два месяца от Вилька не было ни слуху ни духу, и я, признаться, расслабилась. Но сегодня госпожа удача решила, что хорошего помаленьку – и на пороге, звякнув дверным колокольчиком, вновь появился Бальтазар Вильк.

На вид ему было чуть за тридцать, но о настоящем возрасте оставалось только гадать. Темные волосы зачесаны назад, щегольская борода аккуратно подстрижена. Глубоко посаженные ореховые глаза насмешливо обозрели лавку и уткнулись в меня, приморозив к креслу. Неизменный черный редингот идеально сидит на поджарой фигуре. Черные брюки, черные туфли с серебряными пряжками и небрежно повязанный дымчатый шарф. В руке маг сжимал блестящую черную трость.

– Добрый день, панна, – произнес он, наблюдая, как ваша покорная слуга бледнеет и покрывается пятнами, тщетно пытаясь уползти под стол. – Пан Врочек уже изволил спуститься или ещё почивает?

Я попыталась ответить, но из горла вырвался лишь нечленораздельный задушенный писк. Положение спасла Ася, возникнув прямо перед носом Бальтазара:

– Ой, да на что вам сдался этот противный старый пер... книгопродавец, когда тут две такие роскошные панны?

От неожиданности маг шагнул назад и едва удержался от бесогонного экзорцизма.

– Я все слышу, Анисия, – скрипуче донеслось с лестницы, ведущей на второй этаж.

– Правда, Францишек? Неужто ты, наконец, приобрел слуховую трубу и перестанешь превращаться в глухаря, стоит Аланке попросить прибавки к жалованью? – призрак откровенно паясничала.

– Анисия!

В зал неспешно спускался хозяин, невысокий жилистый старик с пронзительными серыми глазами. Длинные седые волосы перетянуты черной лентой. Породистое лицо не смогли испортить даже многочисленные морщины. Старомодные коричневые бриджи, такой же камзол, из-под которого выглядывает безупречно белая сорочка, туфли с медными пряжками – вот и весь Франц Врочек. Завидев Бальтазара, хозяин немедленно рассыпался множественными приветствиями и, подцепив мой ночной кошмар под локоть, увлек в свой кабинет.

Едва за Вильком захлопнулась дверь, я с тяжелым вздохом расслаблено растеклась по креслу.

– Душа моя, с этим нужно что-то делать, – озабочено произнесла Ася, наблюдая, как я заедаю пережитый стресс выуженным из стола шоколадом. – Если так и дальше пойдет – ты угробишь себе нервы и испортишь фигуру!

– Невозможно испортить то, чего нет, – философски отмахнулась я, – а мои нервные клетки погибли ещё в студенчестве.

Призрак укоризненно посмотрела на меня. Она почему-то считает мои пять с половиной футов и невыдающиеся округлости идеальной фигурой, тогда как мне в зеркале предстаёт костлявая вешалка.

– И все же, с чего ты так трясешься перед этим пижоном? – сварливо буркнула Анисия, неодобрительно поглядывая на дверь кабинета. – Надо собраться с силами и взять куця за рога!

– Не могу, – плаксиво вздохнула я, – он для меня как василиск для лягушки. При нем чувствую себя такой дурой... как семь лет назад. Будто не мудрая двадцатитрехлетняя девица, а семнадцатилетняя дуреха, которой не пришлось в голову ничего лучше, как потащиться на закате писать Кипелленские топи в двух верстах от города. И если бы не Вильк, приведший туда на практику группу студентов, гнили бы мои косточки где-нибудь в торфянике. Наверняка, после всего случившегося пан Бальтазар не раз желал переиграть ситуацию. Теперь-то он точно не кинулся бы спасать жизнь орущей благим матом девчонке, улепетывавшей от голодного топляка. А вот тогда, сделал это, не раздумывая... наградив меня неистребимым чувством вины и вилькофобией, – я выпалила всё на одном дыхании, будто на долгожданной исповеди, и тиски стресса чуть ослабили железную хватку.

– Ничего, – призрак ободряюще взмахнула прозрачной рукой, вырывая из тягостных воспоминаний, – мы что-нибудь придумаем.

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоая ночной стражи

Увы, мечты о завтраке, ванне и постели так и остались мечтами. Пожертвовал бы и большим, лишь бы приблизиться к своей цели, но треклятый труп спутал все планы, и пришлось задержаться. Я уже потратил слишком много времени в Болотном краю и больше не мог медлить ни минуты. А блага цивилизации подождут! В конце концов, не ванна делает джентльмена джентльменом. Главное, что бесконечные мытарства не бессмысленны. Цель почти достигнута

– трактат о магии грёз и иллюзий в моих руках. Пять лет поисков не пропали даром! Осталось навестить старика Врочека.

Завершив осмотр трупа на Люстерной улице, я направился к Чистинке. После тряски в дилижансе, каждый шаг отдавался тянущей болью в ноге, но Пёсий мост приближался, а вместе с ним многообещающие двери книжной лавки старины Франца.

В его «царство истины и потёртых знаний» попал ещё сопливым юнцом. Искал один редкий учебник, а нашёл душевный приём и хорошего друга. Правда, помощники Врочека с тех пор сильно изменились. Вместо виртуозов книжного дела в лавке появилась белобрысая девица, впадающая в ступор при каждом моём появлении, и призрак! Великие четверо! Сколько раз предлагал Францу уволить одну и упокоить другую. Даже упокоить обеих, а потом уволить каждую по отдельности, но всё без толку. Старик здорово сдал за последние годы, и часть профессионализма выдавила глупая сентиментальность.

Переступив порог, я еле сдержался от зауспокойного паса, когда призрак неожиданно появился перед моим носом.

– Опять вламываетесь, как к себе домой, пан Как-вас-там, – недовольно протянула она.

– Кляп ей, что ли, какой-нибудь начаруйте, – скривившись, возмутился я. – Когда неупокоенные бродят, где попало – это уже беда, но когда они ещё и болтают без умолку...

– Мы... вы... Да вы... а мы сами... – забормотала белобрысая девица.

Как от такой добиться вразумительного ответа? Да ещё этот призрак лезет. Благо, пан Франц не заставил себя долго ждать, избавив меня от своей косноязычной, хоть и милой на вид служащей и бойкого духа. Хотя всё должно быть наоборот. Не в том смысле, чтобы неупокоенная бы стала милой, а в том, чтобы молчала, желательно глубоко под землёй. А из объяснений девицы можно было понять хотя бы половину.

– Пан Врочек, с вас бутылка шапры²! – выдохнул я, едва за мной закрылась дверь кабинета, – ваш призрак едва не довел меня до сердечного приступа!

– Моего призрака, хвала богиням, пока ещё нет, – насмешливо фыркнул старик. – А шапру вам всё равно нельзя, но, если бесстрашного Бальтазара вдруг хватит удар, клянусь отпаивать вас дистиллятом.

Я поморщился. Пока не разберусь со своим «недугом» не видать мне выпивки, как своих ушей. Жизнь припоя настолько тяжела, что порою невыносима, но даже в самые отвратительные моменты нельзя расслабиться, и как любой, даже самый заурядный человек, выпить стаканчик-другой. Жидкость, попадая ко мне в организм, незамедлительно делится со мной своей памятью. И хоть некоторые считают подобное чудесным даром, по моему мнению, это жуткое проклятье. Припой ощущает, как вода когда-то бежала по ржавым грязным трубам, как давили сальными ногами виноград хмельные девицы вблизи виноградников. Он воочию видит, что творилось со всяким предметом по прихоти или недосмотру, попавшему в ту жидкость, что коснулась его губ. Мучительные видения нельзя прервать или остановить, они поглощают без остатка, заставляя погружаться всё глубже и глубже, стирая грани и оставляя только тоску и боль. Справиться с ними и остаться прежним может далеко не каждый, а те, кто умудряются, превращаются в усталых циников.

– Если не можете справиться с призраком, Франц, избавьте меня хотя бы от дистиллята, смотреть уже на него не могу, – мрачно заметил я, ставя саквояж на пол и извлекая из него книгу.

Врочек мгновенно позабыл о насмешках и впился в мою находку глазами. Теперь со стариком можно делать, что угодно, хоть верёвки вить, хоть канаты вязать.

– Вы позволите? – книгопродавец нахлобучил на нос древние, перемотанные бечевкой очки, и взялся книгу всерьёз.

Он благоговейно перелистывал шершавые, покوروبившиеся от влаги листы и восхищенно цокал языком при виде очередной гравюры.

– Несколько рисунков испорчены, – произнёс я, – а без них книга теряет для меня всякую ценность, для других и вовсе становится опасной.

– Вижу, – закивал Врочек, не в силах оторваться от трактата. – Вы уверены, что больше не хотите быть припоем, с вашей-то профессией?

– Франц, вы спрашивали уже тысячу раз, и мой ответ ни разу не изменился. Больше всего на свете мне хочется избавиться от этого кузьего дара! С работой прекрасно справлялся и до его появления. Порою даже лучше, чем сейчас. Возьмётесь исправить рисунки?

Врочек пытливо воззрился на меня из-под очков. Да возьмётся он, никуда не денется. Для него милее книг могут быть только древние книги, которых он ещё не касался.

– Нет, – ответил мастер-живописец, заставив меня ошелопить от неожиданности.

Чтобы Врочек отказался поработать с уникальным материалом?! Видать скальный дракон, живущий в кряже над заливом, упокоился с миром! Или я чего-то не понимаю? Захотелось заглянуть в его мысли и разгадать неожиданную тайну. Припой способен видеть и настоящее, достаточно развести кровь предполагаемой жертвы в магическом растворе – припой, и получишь чужие мысли, чувства и желания на блюдечке. Увидишь то, что видит другой человек, различишь запахи и ощутишь прикосновения... За это нас боятся и ненавидят. Меня передёрнуло.

– Нет, пан Вильк, эта работа больше не по мне, – в голосе старика звучало искреннее сожаление. – Глаза уже не те, что год назад. Старость, она, знаете ли, не радость. А здесь нужна филигранная точность. Малейший промах, чуть толще линия – и рисунок будет загублен окончательно. Это же работа самого Мартина Горица. А он проник за грань реальности так глубоко, как никто другой. Поэтому опасность колоссальная.

Он протянул книгу, но я не спешил её забирать. Могу его понять. Лучше никак, чем плохо. Но Врочек лучший мастер-живописец в городе! Где искать другого? Мои хрустальные замки рушились. Так не честно, мне больше не выдержать. Это же была последняя надежда.

– Франц, – севшим голосом прошептал я. – Прошу... умоляю! Заплачу вдвое, втрое... любую сумму, какую назовёте!

Врочек лишь покачал головой.

– Деньги не вернут мне остроту зрения, – печально выговорил он.

На секунду в его глазах мелькнула какая-то идея, но старик поспешил отогнать её прочь. Но мне подходил уже любой вариант, лишь сохранилась, начавшая рассыпаться надежда. К дидьку сомнения! Я даже привстал, наклонился над столом с видом приговоренного к смерти и произнес:

– Пан Врочек, согласен на любое ваше предложение.

– Алана, моя помощница, может восстановить иллюстрации, – решился-таки озвучить свои мысли Франц.

– «Кто?» – чуть не вскрикнул я.

Видел на её столе дешёвую мазню. Но это же совсем не значит, что белобрысое недоразумение может... Даже мысленно не хотелось произносить, да тем более представлять, что она прикоснётся к трактату от которого зависит моя жизнь. Магические гравюры – это не мускулистые слюнтяи и грудастые девки из халтурных книжонок!

– Франц, трактат – не эльфячьи сопли! – взвыл я, уже на полном серьёзе собираясь, пусть даже насильно, взять его крови и залезть в голову.

Старик, видимо, не только посадил зрение, но и выжил из ума.

– Зря вы так, пан Вильк, – обиделся книгопродавец, – посмотрите-ка лучше... – он вынул из ящика несколько листов и протянул мне.

Я брезгливо дотронулся до узоров.

– Это иллюстрации к «Теории порталов и врат» Гюстава Шарата. Копии, правда, оригиналы Алана прячет... А вы говорите, эльфячьи сопли... – с укоризной закончил он.

Вглядевшись в плавные линии, я присвистнул от неожиданности. Да-а... Считалось, что «Теория» Шарата иллюстрированию не подлежит. И сделано-то как! Не Врочек, конечно, у белобрысой своя манера. Но так Врочек за Шарата и не взялся. Даже в лучшие годы. Я прикусил губу. Кидаться в омут или подождать на берегу удачного случая? Вот только когда он представится? Едва получилось сдержать мучительный вздох. Придётся рисковать. Не в первый раз, тут уж, как говорится, либо пан, либо пропал.

– Хорошо, – согласился я, опускаясь обратно в кресло, – но присмотрите за ней. Вы же знаете, что для меня значит этот трактат.

– Не волнуйтесь, пан Вильк, – усмехнулся старик, – выполним в лучшем виде.

Мне оставалось только поклониться и отбыть. Выбор сделан, и теперь моё будущее зависит от белобрысого недоразумения. Кто бы мог подумать.

Внизу царила задумчивая тишина, такая бывает только в библиотеках и залах суда. Девушка забралась куда-то вглубь лавки, и про её присутствие напоминала только приглушенная мышиная возня, будто голодный грызун от безнадёги решил подкрепиться книжными корешками.

Я бросил тоскливый взгляд на ряды стеллажей и остановился. На столе, прикреплённая к рабочей доске, распласталась иллюстрация к очередной эльфийской мути. Теперь вздох всё-таки вырвался. Кому доверил свою судьбу? Как могла эта бумагомарательница справиться с Шаратом? Я пригляделся. Из-под скорлупы «бесстыдной пошлости» пробивались настоящие чувства. Сразу не скажешь, но белобрысое недоразумение – настоящий виртуоз. Если стереть бульварный налёт, то начинают хлестать такие страсти, что даже суккубы стыдливо отведут глаза.

Пожалуй, стоит взять эту работу и, глядя на неё, напоминать себе, что моя судьба в руках профессионала, а не обычного холстомарателя с Ремесленной улицы. Мой поступок пахнул глупым озорством, недостойным магистра Ночной стражи, но я снял иллюстрацию с доски и, аккуратно свернув, сунул за пазуху. Воровато оглянулся и выскользнул на улицу.

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

Услышав, как хлопает дверь в кабинет Врочека, я поспешно ретировалась вглубь лавки и притаилась за стеллажами, изобразив бурное вытирание полок и перестановку книг. Даже планшет с иллюстрацией со стола не убрала. Да куць с ним, с рисунком! Хватит с меня на сегодня Бальтазара Вилька. Второго его пришествия могу и не пережить. Ася, решив, что оставлять меня одну в таком состоянии нельзя, чинно уплыла следом. А я отчётливо слышала, как пан Бальтазар прошел через лавку, зачем-то задержался у стола... и вышел прочь. Стоило облегченно вздохнуть и высунуть нос из-за стеллажа, как меня тут же поймал хозяин.

– Вот и попалась, – ехидно ухмыльнулся Врочек. – Идем, разговор есть.

Мне ничего не оставалось, как уныло поплестись вслед за ним в кабинет. Ася решительно двинулась следом, но старина Франц, о верх галантности, произнес:

– А в зале кто будет? А ну кыш, покойница!

Анисия презрительно фыркнула и перелетела к стремянке. За моей спиной с грохотом гробовой доски захлопнулись двери. Врочек чинно уселся в потёртое кожаное кресло, бывшее его ровесником, и хитро воззрился на меня из-под седых бровей. Такой взгляд был мне печально знаком, но оставалось только стоять, мало ли, а вдруг все-таки пронесет.

– У пана Бальтазара есть для тебя работа, – без обиняков заявил Франц.

... Не пронесло... кажется, я пошла пятнами и закатила глаза, потому как старик поспешил налить мне воды и усадить в кресло напротив.

– Вот, посмотри!

Залпом осушив стакан и прокашлявшись, я нервно перевернула несколько шершавых покوروبившихся страниц. Да, посмотреть было на что.

– Нужно восстановить несколько рисунков, – как ни в чем не бывало, произнес достойнейший пан Франц.

– Что?! – я поперхнулась остатками воды и снова закашлялась. – Вы пообещали Вильку, что... Зачем?! Нет, не смогу! Франц, как вы могли меня так подставить?!

– Сможешь! – безапелляционно оборвал меня старый книгопродавец. – Не все же тебе перси да стержни нефритовые рисовать, пора серьезными вещами заняться. И не прибедайся! – на корню прервал он мои невнятные возражения. – Видел твои рисунки по Шарату.

– Вы что, рылись в моем столе?! Да как вы посмели! – негодование выплеснулось через край.

– На минуточку! Рылся в своем столе, – назидательно поправил меня Врочек, – за которым ты работаешь.

Оценив кислое выражение моей курносой физиономии, старый книгопродавец решил немного подсластить пилюлю.

– Конфетку хочешь?

Я лишь вяло отмахнулась.

– Хм... да и не дал бы, – как-то озадачено огрызнулся пан Франц. – Закончились, в смысле, – поспешил пояснить он, видя, как у меня начинает подергиваться верхняя губа. – Странно, а вчера ещё полпакета было... – окончательно растерялся Врочек. – А ты иди работай, деточка. Иллюстрации для пана Вилька сами не нарисуются.

Мне осталось лишь безвольно рухнуть обратно в кресло и потребовать яду. Если Франц видел мои иллюстрации к Гюставу Шарату, то мне уже не отвертеться. Но Бальтазар Вильк... Богини милосердные, за что?! Меня приперли к стенке, загнали в угол – и мне ничего не оставалось, кроме как согласиться. Уууу... Но Вильк ещё поплатится, если, конечно, не упаду в обморок при его приближении.

Глава 2 в которой остается только хвататься за голову

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

– Да, и книгу с собой не таскай! – надтреснуто полетело мне в спину. – Здесь работай!

Я вышла из кабинета Врочека, пошатываясь, словно пришибленная. И тихонько поскуливала, разрываясь между желанием кого-нибудь убить и побиться головой о полку. Добрела до стола и, испустив горестный волю, в изнеможении упала в кресло.

– В чем дело, душа моя? Что ты кричишь, как скальный дракон в брачный период? – всполошилась Ася и подлетела ко мне.

– Рисунок... – простонала я, – рисунок...

– Да что рисунок? Что с ним такое?!

– Он пропал!

Пальцы вцепились в волосы и намертво запутались в мелких кудряшках старинным перстнем, подарком родителей на шестнадцатилетие. Перстень смахивал на мужской – широкий серебряный ободок с массивной пластиной черного агата. И плотно сидел только на большом пальце. Но я бы ни за что не согласилась сменить его на тонкое девичье кольцо, ибо к нему легко привязывалось любое живописное плетение, хоть на временной, хоть на постоянной основе, что делало его поистине бесценным. В школе частенько цепляла на перстень шпартгалки по начертательной магии и простенькие «заплетки» на удачу. С его же помощью семь лет назад собиралась исправить случившееся с Вильком...

– О нет! – озарение пронзило меня с силой турнирного рыцарского копья, так же бессмысленно и беспощадно.

Ненавистный маг останавливался возле стола, а кроме него в лавке никого не было...

– Бальтазар Вильк унес мой рисунок! – рука обреченно скользнула за шоколадом, но и здесь ждало разочарование.

Коробка светила темным пустым нутром. И тут уж некого винить, кроме себя самой. Ася выудила из ниоткуда изящную трубку с длинным, причудливо изогнутым, тонким мундштуком. По мановению её руки в призрачной чаше затеплился огонек. Призрак затянулась. Вот уж воистину, человек раб своих привычек, раз некоторые не покидают его даже после смерти...

– Раз её унес Вильк, то нужно пойти к нему и вернуть, – произнесла она, выпуская призрачный дым в потолок.

Белые струйки собирались в кольца, нанизывались друг на друга и превращались в блёклые, полупрозрачные облака, такие настоящие, что казалось мой нос чует терпкий едкий запах. Я непроизвольно расчихалась и замахала рукой, пытаясь разогнать иллюзорный дым. Призрачное курение, тоже вредит здоровью. Уж будьте уверены!

– Ну да, – оптимизма в моем голосе не было даже на фальшивый медяк, – чтобы скончаться от страха на месте. Тогда у Врочека будет на одного призрака больше и на книгопродавца меньше.

– У тебя есть другие идеи? – саркастически осведомилась Анисия.

– Нарисовать новый, – энтузиазма в голосе оказалось ещё меньше чем оптимизма.

– Глупо, – раздраженно передернула плечами Ася, и призрачная шаль едва не упала на пол. – Да и незачем.

Как ни прискорбно признавать, но призрак полностью права – глупее некуда. Тем более, что дважды так хорошо не получится. Получится совершенно по-другому, а то и вовсе ничего не выйдет. Нет, иллюстрацию нужно вернуть! Но одно только воспоминание о Бальтазаре Вильке заставило меня со стоном уронить голову на руки. Пустая коробка упала на пол, рассыпая шоколадные крошки... Рисунок, книга, Бальтазар Вильк... Потом, все потом. Сначала пойду и куплю себе шоколаду!

Правду говорят, если свалились сразу две неприятности подряд, то и третья не за горами. В ближайшей к нам кондитерской шоколада не оказалось. В «Медовой пышке» было все: печенье, булочки, пирожные, леденцы, цукаты и даже редкий в наших краях зефир, но только не шоколад! По закону подлости последнюю коробку забрали прямо передо мной. О чем мне радостно сообщила хозяйка кондитерской, сегодня сама стоявшая за прилавком.

– Не удивлюсь, если и здесь постарался Бальтазар Вильк, – уныло, но с долей злости пробормотала я.

– Ой, вы, наверное, ясновидящая, – заулыбалась продавщица. – Её действительно купил пан Вильк. Он наш постоянный клиент, как и вы.

Я так и села. Куцъ его за ногу! Этот гад ещё и постоянный покупатель в моей любимой «Медовой пышке». Да это же чудо, что мы с ним ни разу не столкнулись! С душераздирающим: «У-у-у.. – я развернулась и, продолжая голосить, – да когда же он перестанет отравлять мне жизнь?!» – выскочила на улицу.

Прекрасно начавшийся день испортился окончательно, а после возвращения в лавку, Врочек ещё всыпал мне за самовольную отлучку. Доведенная до точки кипения, я с остервенением накинулась на злосчастную витрину, которую собиралась помыть ещё утром. Полный таз воды пополам с уксусом, кусок ветоши, подвернутые рукава и подоткнутая юбка – под дурное настроение уборка шла великолепно. Ожесточенно скребла толстое стекло, не то пытаюсь протереть его до дыр, не то выдавить вон. Затем пришел черед обитых выгоревшим сукном полок.

– Пыль, пыль, пошла прочь! – злобно шипела ваша покорная слуга и терла вишневое сукно одежной щеткой, но противная пыль разлеталась вокруг клубами, и витрину всё чаще сотрясал звонкий чих.

Вымыв окно, почистив полки и сменив товар, я начала спускаться из витринной ниши в лавку. Нога неуклюже скользнула по влажной деревянной ступеньке и заехала по тазу. Он с грохотом опрокинулся на пол, а я с размаху уселась в лужу грязной воды, пропахшей пылью и уксусом. Озираясь, тоненько взвыла, словно раненная мышь, и разревелась. Стоило моим всхлипам с подвываниями огласить лавку, как рядом возникла Анисия.

– Душа моя?... – встревожено спросила призрак.

В ответ раздалось нечленораздельное бульканье с одновременным поминанием Врочека, Вилька и весь белый свет в придачу. Ася мигом кинулась в кабинет Франца, чтобы сей секунд выгнать его в общий зал.

Мои упоенные рыдания в грязной луже повергли хозяина в легкий шок.

– Алана? – полувопросительно осведомился он, дабы удостовериться, что в луже сидит именно его младший книгопродавец. – Резец мне в стило! Деточка, вставай немедленно, там же мокро!

Врочек кинулся меня поднимать. Я особо не сопротивлялась.

– Старый пень, – подколотой змеей шипела парящая рядом Анисия, – довёл девочку до истерики! У-у-у, злобный торговец!

– Книгопродавец!!!! – прорычал в ответ пан Франц. – Не причисляй меня к купеческой гильдии. Там одни мошенники и ворюги.

Старик терпеть не мог, когда его называли торговцем.

– Ты хоть под руку не лезь! Кыш, покойница!

Врочек поднял меня на ноги и усадил в кресло. Немного привел в порядок и понял, что на сегодня работник из меня уже не выйдет, вытолкал горе-помощницу домой, заявив, что прекрасно закроет лавку и без моей помощи. Ну, хоть в чем-то мы сегодня оказались едиными души...

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припою ночной стражи

Мелодичный перезвон на колокольне храма Четырех Пресветлых извещал добропорядочных жителей Кипеллена о начале вечерней службы, а просто порядочных об окончании рабочего дня. Серебряный колокол пропел ровно восемь раз, и рука машинально полезла за часами. Щелкнула тяжелая бронзовая крышка, и я насмешливо хмыкнул – есть все-таки в этом мире вещи незбылемые и неизменные. Стрелки показывали пять минут девятого. Сам не пойму – дело в неторопливости храмового быта или моей привычке лезть вперед батьки в пекло. В любом случае, приятно тешить себя иллюзией, что имеешь в запасе лишние пять минут.

Я защелкнул крышку, а дежурный стражник возле дверей Управления Ночной стражи закончил осенять себя знаком Четырех и приветственно кивнул. Сам истово верующим себя не считаю, но основные постулаты знаю назубок. Всё что помогает в борьбе с нежитью, обязан знать любой уважающий себя маг, а уж сотрудник Ночной стражи и подавно. Главный обережный знак – четырехлучевая звезда. Верхушку венчает мудрая и всепрощающая Вила. Левую сторону занимает повелительница земного огня – Огнева. Правую сторону владелица огня небесного – Зарница. А на нижнем луче, свесив ножки в Полуночную бездну, качается ехидная покровительница проходимцев – Крин. Говорят, будто сами богини распределили между собой обязанности, да и кто сможет этому возразить.

Ни душ, ни свежая одежда не поправили моего настроения. Усталость после переезда вытягивала последние силы, а нога, как обычно, подло ныла, требуя немедленного отдыха. Я, морщась, поднялся по ступеням и мимоходом взглянул на высокие колонны, поддерживающие треугольный барельеф с доблестными служителями Ночной стражи, попирающими неисчислимые сонмы поверженных чудовищ. Прошёл через массивные двери с металлическими пластинами, похожими на лезвия мечей, и свернул направо к своему кабинету.

– А вот и знаменитая ищейка, – с ядовитой насмешкой раздалось у меня за спиной.

Пришлось остановиться и театрально отряхнуть плечо.

– Брызги яда, – процедил я, – средство от насекомых, которое по недоразумению назвали одеколоном, и катастрофическое отсутствие манер, – приятно было не оборачиваться, а задумчиво пожевать губу и предположить, – Рекар Пшкевич?

Видеть его не хотелось, но пришлось заставить себя повернуться на каблуках. Нога не преминула возмутиться резкому движению, и её пронзила острая боль. Если бы шесть лет назад после встречи с топляком, я, как все нормальные люди, мог пить целебные зелья и лечиться, то не знал бы этих мучений. Но припой не нормальный человек, и даже самые простые микстуры не действуют на него так же, как на остальных. Совсем наоборот. Эффект может быть настолько непредсказуемым, что лучше уж иногда поковылять.

Пшкевич принял мою гримасу на свой счет. Его и без того неприятное лицо с крупным горбатым носом, впалыми щеками и маленькими вечно сощуренными глазками, окончательно скомкалось и превратилось в пресловутый первый блин, упавший со сковороды на грязный пол. Мне даже показалось, что жидкие пепельные волосы угрожающе встопорщились, а тощая грудь сильнее выдалась вперед.

Можно было не поворачиваться, спутать его с кем-нибудь иным потруднее, чем зомби с новобрачной. Сколько Пшкевича в платье не ряди, его даже из-под фаты будет за милую видать. А уж ужасный одеколон и того дальше. Глава кафедры боевой магии в Школе Выс-

ших Искусств и по совместительству член городского совета устался на меня с неприкрытой неприязнью. Шесть лет назад, воспользовавшись моей неудачной стычкой с топляком, он прибрал к рукам боевую кафедру и вытурил меня с магического факультета. Однако, за переход в Ночную стражу я ему был даже благодарен, совсем немного, в глубине души, очень глубоко, но за всё остальное...

– Направьте свою дедукцию на убийц и негодяев, – прошипел Пшкевич. – В городе уже пять трупов... а вы шляетесь неизвестно где! Городской голова...

– Городской голова в курсе. Он лично подписал мое прошение об отпуске, – пожал я плечами. – И пока, слава Четырем Пресветлым, не вы решаете, кто и где должен шляться.

– Это ненадолго, – осклабился он. – До выборов остался всего месяц, Куцевич не будет возглавлять город вечно. И вскоре вас некому будет прикрывать перед советом. Так что мой долг хорошенько пропесочить вашу сомнительную деятельность.

– Обязательно пропесочьте, может, почерпнёте для себя что-нибудь полезное, – устало бросил я. – А пока пойду поймаю мерзкую тварь, убивающую неповинных юношей.

– Вы даже тараканов у себя на кухне не поймаете, – оттопыренные синеватые губы искрились в злорадной ухмылке, – не то, что остервеневшую стрыгу³.

– Неужели вы получили разрешение на ясновидение? – удивился я. – Как представителю городского совета, вам положено знать, что в Растии за лжепророчество прижигают язык. К тому же, это не стрыга.

В ответ Пшкевич прошипел, что и на мою долю найдётся подходящий закон. Тогда прижиганием языка уже не отделаюсь, и бросился к выходу. Куць его принес в неурочный час. Наверняка надеялся лично распутать это дело, выследив и убив нежить. Сам же сказал, выборы на носу, а тут такой удобный случай показать себя во всей красе. По мне, так пусть бы и распутывал. Браца никто не просил навешивать на меня всех собак. Официально, я ещё в отпуске. Но если судить по тому, как набросился на меня утром капитан, следствие Пшкевича зашло в тупик. Иначе с чего бы он так вызверился? В одном он прав, сама по себе тварь не сыщется, так что пора приниматься за работу.

Ознакомившись с материалами дела и разбив в пух и прах версию Пшкевича о стрыге, я крепко задумался. Толку от имевшихся протоколов было чуть. Рекар уткнулся в стрыгу и на ней же заглох. Свидетели показывали разное. Да и свидетелей тех, раз-два и обчелся. Все происходило глубокой ночью. Лишь в двух последних случаях встречались показания о некоей девице, с которой видели убиенных за час до смерти. Точных описаний этой панны дать никто не смог, и момент оказался упущен. А Пшкевич, уверенный в своей версии, и вовсе не уделил им внимания. Конечно, стрыги ведь не обращаются в миловидных девиц.

Ребята сидели, повесив головы, а Казик ещё и носом шмыгал, точно провинившийся школяр. Родители пристроили его в Ночную стражу, чтобы выпускник кипелленского училища законников набрался опыта и уверенности в себе. Дабы содержание соответствовало форме. Казимир походил на медведя: здоровый, широкий в кости, с крупными руками. Но внутри, не смотря на все мои усилия, так и оставался плюшевым мишкой. Единственное, чего я добился за два года, что он перестал шарахаться от людей. А вот Марек был совсем из иного теста. Вёрткий, да прыткий – тощий рыжий кузнечик. Среди воров цены бы не было. Но его отец занимался алхимией, а после его смерти паренька на воспитание взяла гильдия. Только с тайными знаниями у него не задалось. И когда мой друг Габриэль Ремиц, глава кафедры алхимии, попросил пристроить мальчишку в Ночную стражу, возражений у меня не нашлось.

Я выпустил в потолок надцатое кольцо дыма и серая мутноватая завеса, пропитанная отборным табаком, еще больше уплотнилась.

– Марек, открой окно, а то вы скоро начнете синих фей ловить.

Я дождался, пока в кабинет хлынет холодный ночной воздух:

– Первое – мы точно знаем, что нежить дамского полу.

– Отчего это? – удивился Казик.

– От того, что все убитые полу мужского, а себе подобных она из солидарности не жрет, – пошутил я, добавив уже серьезно. – В двух случаях жертву перед смертью видели с некоей девицей. И есть подозрение, что это она их пошамала, болезных. И трупы все наши были в расцвете сил и возможностей. Как уж она их заманивала, не знаю, но думается, что всякий раз по-разному, если умудрилась почти не засветиться и пустить по ложному следу опытного боевого мага, – тут уж душой кривить не пришлось, Рекар Пшкевич в своем ремесле собаку съел, не будь он ещё таким твердолобым, глядишь, и раскрыл бы дело до моего приезда. – Ну что, панове, какой вывод из всего этого?

Мальчики на побегушках озадачено переглянулись.

– Она умная, – неуверенно изрек Казимир.

– Вот, то-то и оно, – вздохнул я. – умная, а значит опасна вдвойне.

– А второе? – припомнил Марек.

– Все они возвращались со светских приёмов. А это значит? – я пытливо уставился на осоловевших помощников сквозь поредевший дым.

– Ну, это... – пробормотал Казик, – она их на балу того...

– Скорей всего, – согласился я, за два года наловчившись быстро и правильно истолковывать многозначные «того». – Но думается мне, что не совсем, то есть не на самом балу, скорее поджидала неподалеку...

– Волкодлак! – выпалил Марек.

Я вздохнул, закатив глаза, и всё еще шурясь, проворчал:

– Сейчас выдам учебник и отправлю зубрить, в какие дни волкодлаки перекидываются!

Когда полнолуние было?

Рыжий потупился, начав что-то считать на пальцах.

– Неделя уже прошла, – наконец выдавил он. – Сейчас месяц Хрустальной луны.

– Да к тому же, наши убитые шли за человеком. А если бы это оказался волкодлак, они бы сто раз сбежать успели, пока того в смене ипостаси корежило. Нет, думаю, что наша убийца меняет облик по своему желанию. А то, что охмуряет на балах, так значит, умеет вести себя в высшем обществе, недурна собой, весела и обаятельна. Казимир, погляди, как там настойка с места преступления?

Задумчивый Казик метнулся к шкафу и достал длинную колбу с порозовевшей водой.

– Вроде готово!

– Тащи! – вздохнул я.

Кто бы знал, как мне не хочется нырять в ту злосчастную ночь, когда убили щеголя.

Получив «настойку» на окровавленных песчинках, я едва глянул на мутную воду и sko-мандовал:

– Отойдите!

Мои «мальчики на побегушках» послушно шарахнулись в дальний конец кабинета, поближе к двери. Они давно привыкли, что во время действия припоая от меня может и заклать невзначай прилететь. Инстинкты боевого мага далеко не всегда уживаются с воспоминаниями жертв. А поскольку в такие моменты я уже не совсем я, то и последствия порой бывают ошеломительные.

Скривившись, я громко выдохнул и запрокинул колбу, отпив ровно половину. Всегда надо оставлять часть «настойки», чтобы в случае чего, нырнуть в прошлое еще раз.

– Подпиши! – прошептал я, и рука безвольно стукнулась об стол.

Тело словно перестало существовать, а мою несчастную душу бросило сквозь время...

Из темноты разнёсся женский смех. Каждый звук отдавался оглушительным эхом так, что хотелось зажать уши. Вот только руки мне не подчинялись. Перед глазами мигали тусклые фонари. В луже отражался тёмный фасад дома с пустыми цветочными горшками под окнами.

Кривая, изъеденная ржавчиной труба, тянулась вдоль стены и загибалась в канаву. В световых пятнах промелькнула брусчатка. Её перекрыл рукав дорогого камзола. Улица расплывалась, растворяясь в ночном сумраке, а мысли суетливо сбивались в кучу.

– «Снова проигрался... Куць побери их всех... Ничего, завтра пан Трацкий оплатит свой заказ и отыграюсь... О... прекрасная панна... Похоже тот стакан шапры был лишним. Ты мне снишься? Не снишься-а... – касание мертвенно холодных губ не отрезвляет, а распяляет ещё больше. – Как там сказал этот зануда Гжесь Ремиц? Не везет в игре, повезет в любви? О да... Как затащить в особняк... она такая шалунья и вроде не против... или играет... спросить напрямую... на бархатную розу не похожа... что, если сбежит».

Я потерялся в беспорядочном потоке пьяных раздумий. Мне самому уже казалось, что фривольная девица должна согласиться. Вот только бы увидеть её лицо. И, как на зло, фонарь возле дома покойного Любомира Дражко погас. Я... Он... Мы начали поворачиваться. Вуаль на шляпке, щекодавщая лицо незадачливого любовника колыхнулась. Глаза в её тени вспыхнули, и раздался отчетливый треск ткани. Платье брызнуло в стороны оборками и бантами, а в тусклом свете фонаря блеснули когти. Он... Я... Мы закрылись руками... От боли перехватило дыхание, но крик всё же вырвался наружу и чужими, незнакомыми нотами отскочил от стен домов. Трещали кости, булькала, выплёскиваясь через горло кровь... Мы вопили, но нас продолжали неистово терзать, рвать на части, драть, кусать... Внутренности горели огнём и чем слабее становился жар, тем быстрее мы угасали...

– Кто здесь? – завопили издалека.

Когти вырвались из нашего тела, и давящая тень метнулась в сторону...

– Пан Вильк! Пан Вильк?!

Я оторвался от стола, с ужасом схватившись за грудь. Боль ещё металась внутри, не веря, что всё случившееся произошло не со мной. Она упорно твердила, что меня убили: жестоко, страшно, мучительно, но я упрямо качал головой. Нет! Тот щеголь лежит в холодной, накрытый холщовым мешком, а я Бальтазар Вильк, маг-припой Ночной стражи. Ненавижу работать с кровью! Слишком сильная связь и глубокое погружение. Лишь Пресветлым известно, как до сих пор не свихнулся. Мой дар, моё проклятье, мой недуг только что забросил меня в болезненную пучину чужой памяти, но позволил выбраться и узнать очень важную деталь.

– Она не насытилась, – прохрипел я, всё ещё глотая воздух, – поэтому выйдет на охоту не через два-три дня как раньше, а быстрее. Тварь конечно умна, но голод сильнее. У кого сегодня сборище?

Я задышался, продолжая массировать грудь, боялся, что, если отпущу, под рубахой тут же появятся страшные раны.

– Сейчас осень, балы, почитай, каждый день проходят, – сообщил Казик.

– А чего она, только благородных, что ли, жрет? – спросил Марек, почёсывая рыжую голову. – Может, вчера в Портовом квартале кого пошамала да залегла?

Я облизал губы.

– Она не обычный упырь. Пьянью подзаборной, да голью перекатной словно брезгует...

– Гурманша что ли?

Я отмахнулся. Её наклонности меня беспокоили меньше всего. Она играла с нами, оставляя на улицах растерзанные тела, работала под обычную тупую нежить. Но жертвы, жертвы говорили сами за себя. Эта когтистая дрянь отлично знала, кого она убивает, словно кто-то указывал ей. Сейчас главное остановить тварь, а кукловодом, если он действительно есть, можно заняться позже. Ведь может стать, что тварь и хозяин – одно целое.

– Срочно список всех балов и увеселений на ближайшие десять дней, – жестко бросил я. – Казик, займись.

Одышка уже прошла, но её место заняла дикая жажда. Рот пересох. Еще немного, и потрескаются губы.

- Пан Вильк, сегодня у Ночвицких званный вечер.
Я повернулся к нему, уставившись в глаза.
– Так чего мы тут сидим?

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

До дома долетела, как снаряд, выпущенный из пращи, так и не попрощавшись толком с Румпелем, который высунулся из-под моста с воплем:

– А глинтвейн?!

Но я уже неслась по улице прочь, скороговоркой бормоча на ходу: «Холодно-холодно-холодно-о-о-о!!!».

Ветер к вечеру заметно усилился и стал жутко холодным, а в соприкосновении с промокшей юбкой так и вовсе давал неземной эффект ускорения. Темный осенний вечер набросил на город холодный покров, не оставив о прекрасном солнечном деньке ничего кроме воспоминаний. Фонарики ездили по улицам на помеси стремянки с колесницей и зажигали фонари. А палые листья, попадавшие в пятна света, казались отлитыми из меди и золота.

Ввалившись в дом и наскоро поздоровавшись с хозяйкой, что-то колдовавшей на кухне, я стремительно кинулась к лестнице на занимаемый мною второй этаж, более всего желая переодеться и согреться. Окрик хозяйки настиг меня уже на середине лестницы.

– Алана! – кругленькая, морщинистая, словно печеное яблоко, пани Флюся оторвалась от плиты и, подхватив со стола какую-то коробку, догнала меня.

– Что это? – я с подозрением воззрилась на свой любимый шоколад.

– Кто-то оставил на перилах у двери, – доверительно сообщила хозяйка, – на карточке написано, что для тебя.

Я озадачено приняла коробку из рук старухи и вперилась в карточку: «Панне Алане. Прекрасная работа. Б. В.»

– У-у-у... – наверное, в этот момент мое лицо настолько утратило человеческие черты, перекосившись в приступе бессильной ярости, что хозяйка шарахнулась от меня обратно к плите.

А мне неимоверно захотелось запустить злополучную коробку в стену.

– Этот паршивец, этот гаденыш, этот... этот... У-у-у, ненавижу! Как он посмел! Прекрасная работа, конечно! Других не делаем! – я замолчала одолеваемая страшной мыслью, что Вильк узнал меня и теперь мстит за покалеченную ногу и перекроенную карьеру.

Постояв несколько секунд на лестнице и посопев, как сердитая кошка, я раздраженно потопала вверх.

Ввалившись в свое скромное жилище и, первым делом, избавившись от мокрой юбки, зарылась в шкаф и через минуту вынырнула оттуда с широкими холщовыми штанами в руке. Любимая ещё со времен школьного общежития одежда – целиком и полностью плод моих швейных усилий. Уж больно хотелось доказать маме, что я не бесталанна в нелегком портняжном деле. В итоге после месяца мучений стала обладательницей несуразных холщовых портков, которые наверняка пришлось бы впору гному, но никак не тощей девице пяти с половиной футов росту. Результат моих упорных трудов оказался чересчур широк в поясе и обладал куцыми штанинами, оканчивавшимися на пять дюймов выше щиколотки. Но в целом штаны вышли мягкими и удобными и вполне годились для домашней работы, посему я просто стянула их в поясе тесемкой.

Пока переодевалась и разводила огонь в очаге, моя ярость немного поутихла, и всё воспринималось значительно спокойнее. Дали работу? Сделаем! За то нам и деньги плачены будут. Приличные, между прочим, если верить Врочеку. Утащили рисунок? Вернем, никуда не денемся! Даже если для этого придется прогуляться в спальню Бальтазара Вилька и сунуть руку к нему под матрац... а шоколад съедим! Зря, что ли, Вильк на него свои кровные потратил? Шоколад дорогой, такой нечасто себе позволяю, растягивая каждую коробку до последнего. А тут такое счастье, да на халяву. На халяву, оно, как известно, и уксусом упиться можно, чего уж говорить о шоколаде.

Я подхватила сумку, брошенную в ярости на пол, и вытряхнула её содержимое на кровать. Все равно в ней пора наводить порядок. Посреди груды хлама, гордо именуемого нужными вещами, перекошенной надгробной плитой лежала принесенная паном Вильком книга. И когда это успела сунуть её в свою бездонную суму? Мм? Правда, если учесть в каком взвинченном состоянии была, то вполне могла прихватить машинально. Ну что ж, пока человек предполагает, а богини спорят, как бы все испортить, я тихой сапой действую себе во благо. Раз уж вопреки заветам старины Врочек все же стащила злополучную книжонку, то не поработать над ней – просто грех.

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоя ночной стражи

Шляхтичи Ночвицкие сделали имя и состояние на создании и продаже сверхпрочных, нерассыхающихся деревянных корыт, по названию которых семейство и получило фамилию. В ночвах стирали белье, купали детей и даже кормили поросят по всей Растии. В них же зимой ребятня каталась вместо саней, после чего сверхпрочное корыто удостоивалось огненного погребения в печи, а малолетние озорники – ремня, потому как от обычного, вырезанного кустарем-столяром корыта, оно отличалось только вытравленным клеймом Ночвицких, а стоило на порядок дороже, наверное, из-за дивной формы. «Дабы водица облекала нутро упруго», как значилось в инструкции, прилагаемой к корыту. О том, чье же нутро облекает водица, инструкция скромно умалчивала.

Усадьба Ночвицких занимала два квартала на северо-западе Кипеллена. Её окружал огромный парк с редкими видами деревьев и кустарников для целебного дыхания, прекрасными аллеями, каскадными озерами и многочисленными беседками для уединенных разговоров. Чтобы пробраться через парадные ворота, выходящие на запруженную экипажами Масельную площадь, и добиться аудиенции у главы семейства Ночвицких потребовалось бы часа три-четыре. У нас столько времени не было, поэтому остановив экипаж подальше от всеобщей суеты, мы вышли к неприметной калитке со стороны Каганчикова переулка.

Казик клялся, что ходил этой тропинкой много раз, и, раскрасневшись, что-то бормотал себе под нос.

Тёмный парк встретил нас сырой прохладой, покоем и неправдоподобной тишиной. От того шелест листьев под сапогами раздавался на половину Кипеллена и смог бы перекрыть набат на колокольне храма Четырех Пресветлых.

– Не туда идём, – заворчал через некоторое время Марек.

– Мне лучше знать, – огрызнулся Казик.

Я недовольно постучал тростью об землю.

– Дорога́ каждая минута.

– Уверен, что нам туда...

Рыжий не успел договорить. Надсадный, полный ужаса вопль разломил тишину осенней ночи, прервав его уверенное заявление.

Мы бросились на звук. Мои «мальчики на побегушках», благодаря своему опыту в суетливом метании туда-сюда и моей повреждённой ноге быстро оторвались, но я ковылял из всех сил.

За кустами из мрака протаяло неровное пятно света. Изогнутый фонарь почти касался крыши беседки, будто пытался заглянуть внутрь. Между изящными колоннами мелькнул тёмный силуэт. Мог бы поклясться, что это девушка, но разглядеть не успел, помощники закрыли всё своими широкими спинами.

– Ничего не трогайте! – крикнул я, догоняя их.

На пороге беседки, скорчившись, лежал мужчина. Тёмное пятно расширялось, заливая камзол и пропитывая рубаху. Я наклонился, прижав пальцы к шее. Под кожей испуганно билась вена, отстукивая рваный ритм. Живой! Это большая удача. Мельком глянул на исполованное лицо, но узнать несчастного не смог. Сложил пальцы «кошачьей лапой» и выдохнул коротенькую формулу, останавливая кровь.

– Марек, помоги ему, – на ходу кинул я, – Казик, за мной! – и ринулся сквозь заросли жасмина к живой ограде за беседкой.

Продравшись сквозь засохшие ветки, уловил движение во мраке и замер. Если у меня ещё и были какие-то сомнения насчет твари, то теперь они рассеялись окончательно. Её силуэт расплывался в неверном свете луны. Существо уже не походило на девушку, только длинные волосы ещё развивались за спиной, но и они быстро превращались в щупальца, каждое из которых завершалось когтем-крюком. Оно ловко, как кошка, вскарабкалось на крышу конюшни и поскакало по коньку, отталкиваясь всеми конечностями.

Я с сомнением взглянул на ржавую лестницу.

– Не догоним!

– Мы догоним! – гаркнул над ухом, подбежавший Марек.

– Рехнулся? – я только рукой махнул. – Она ж тебя, как кутенка!.. Почему пострадавшего оставил? Приказ не слышал?

– Его врачевать надо, мне помочь нечем, – выпятив губу, ответил рыжий.

– Всё сам, – забормотал я, поворачиваясь к беседке. – Казик, гляньте, куда эта дрянь рванула. Не приближайтесь! Держитесь в виду! Гоняться за нею не ваше дело! – За спиной заскрежетала лестница.

Я скороговоркой нашепывал формулу левитации, подкрепив её ночным зрением. Похоже, сегодня предстояло побегать по крышам.

– Мы справимся! – пробасил Казик, быстро поднимаясь к крыше.

Второй карабкался следом, ловко цепляясь руками. Я бросился за ними. Подтянулся на руках, давая потоку воздуха вытолкнуть меня наверх почти без усилий. Мои горе-помощники уже успели рвануть вдоль конька. Идиоты! Получат у меня по первое число! Кому сказано держаться в виду! Я добавил света, запустив в небо световой пульсар. Конюшню озаарило яркой вспышкой. Высветились замшелые трубы и прогнившие кое-где деревянные пластины, заменяющие черепицу. На дальней стороне крыши неуверенно переминались с ноги на ногу мои помощники. Чего они там застыли? Доберусь до них, получают больше, чем унесут. Год будут холодную по ночам охранять!

– Назад! – рявкнул я.

Тварь они, слава Четырем Пресветлым, похоже, упустили. Так пусть рядом будут, мало ли что. Уж и сам был не рад, что отправил ребят на эту куцеву крышу.

Я забрался на широкий конёк и поспешил к ним, используя верную трость, как балансир. Даже нога, проникшись важностью момента, перестала ныть. Главное успеть пока не случилась беда. Чутье подсказывало, что тварь затаилась где-то рядом, обведя ребят вокруг пальца.

– Назад! – вновь крикнул я.

И тут она прыгнула, сорвавшись черным сгустком с одной из дальних труб. Мелькнули изогнутые когти на длинных узловатых жгутах. Распластался на скользких досках Марек. Нелепо взмахнул руками Казимир. А я ударил по твари воздушной волной, стремясь отшвырнуть подальше от своих помощников. Бестия с визгом улетела в темноту, глухо шмякнувшись о землю где-то за пределами усадьбы. А я кинулся вперед, намереваясь высказать двум обалдуям всё, что о них думаю.

– Пан Вильк! – сорвавшимся голосом просипел Марек, склонившись над напарником.

Я споткнулся на середине мысли, а внутри похолодело. Пробежал по коньку, даже не почувствовав боли в ноге. Опустился на колени, переворачивая светловолосого капрала на спину и хрипло застонал, разглядев развороченную грудину, светившую осколками ребер и ошметками плоти. Тварь оказалась проворней. Ни один лекарь во всей Растии помочь Казимиру уже не мог.

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

Задумчиво жуя дарёный шоколад, я рассматривала первую гравюру. Красиво... В голове роились сотни восхвалений в адрес мастера, создавшего шедевр, который мне предстоит вернуть к жизни. ...самые тонкие и мягкие кисти, самые острые стила... Чернила с примесью дубовой коры и киноvari, дававшей тот неповторимый красно-коричневый оттенок, что так ценился растийскими мастерами. И в отличие от обычной сабрийской туши, эти чернила гораздо устойчивее к тем невзгодам, которые выпадают на долю рисунка в наше беспокойное время. Чтобы повредить такие иллюстрации, нужно очень постараться. Но здесь сошлись «Время» и «Влага»... Местами линии утратили четкость, оставив на бумаге полупрозрачные разводы.

Я взялась за скребок и аккуратно подчищала рисунок. Свет четырех ламп слегка подрагивал, не мешая работе. Хозяйка опять будет ворчать, что извожу прорву светильного эликсира на свое ночное бдение, но ничего...

Когда рисунок был полностью очищен, часы в виде спящего дракончика показывали полночь. Наступала вторая часть священнодействия над иллюстрацией. Я обмакнула кисть в плошку с чернилами и, стряхнув лишнее о край, благоговейно коснулась потускневшей линии. Стоило колонковому волосу соприкоснуться с бумагой, и трепет исчез. Осталось лишь уверенное всепоглощающее движение. ...Лепестки, листья, шипы, дивные птицы из странного сада на рисунке хлынули на меня и закружили в ярком хороводе, радугой расплескавшись по комнате. Вот маленькая длиннохвостая птица вспорхнула с ветки и устроилась на плече. Ветви гибкой лозы, покрытые большими синими цветами, ласкали мои руки совсем как деревья в лавке. Густой папоротник щекотал босые ступни, норовя вылезти из-под стола. Под одним из разлапистых пушистых кустов притаилось что-то мохнатое. Лишь огромные, словно плоские глаза поблескивали из укрытия. Существо пару раз порывалось вылезти на свет божий, но всякий раз замирало. И я бы поклялась, что опасалось оно не меня. Несмотря на кажущуюся благость, было в этом саду что-то тревожное, едва уловимый привкус страха, нет-нет, да и проскальзывал в воздухе. Будто что-то недоброе пыталось выбраться, но пока что терпело неудачу. Я отвлеклась на очередное дивное растение и нелюдимое мохнатое существо, а вместе с ним и тревожное ощущение, пропали. Стайка маленьких фей, похожих на разноцветных бабочек, резвилась среди барвинка. Они вцепились в цветок лозы и, оторвав, кинули мне. Он запутался в волосах. Я хихикнула и поправила его, чтобы больше не выпадал из моих спутанных кудряшек.

Как ни прискорбно, но когда работаю, теряю счет времени. Эта ночь исключением, увы, не стала. Я опять уснула за столом, уронив голову на руки, и соизволила продрать глаза, когда на дворе уже стоял ясный день. Хорошо, хоть работу успела закончить до того, как коварный Снява⁴ дал мне дубиной по нерадивой головушке, дабы утащить беспомощную девушку в сонные дали. Богини милосердные! Который час?! Врочек меня убьет! Кузь задери меня и всех засонь в придачу, я ведь хотела перед работой нанести визит невежливости пану Бальтазару Вильку, будь он неладен! Поблагодарить (хе-хе) за шоколад, от которого, кстати, даже корочки не осталось. Остается надеяться, что выбросила её в камин, а не слопала вслед за вкусом нятиной. Когда погружаюсь в работу, то ко всему прочему становлюсь ужасно рассеянной: то кисточку в чашке с кавой ополосну, то от угля откушу, вместо печенья. А потом удивляюсь, чего это у меня губы разноцветные, а зубы черные. Одно радует, Бальтазар Вильк живёт на той же стороне набережной, где стоит наша лавка. Хозяин не раз поручал отнести Вильку заказы, кои я благополучно оставляла в почтовом ящике и, постучав в двери, спешно ретировалась.

Стоило приблизиться к двери с дверным молотком в виде горгульи, как вся решимость испарилась, а тщательно выращенная наглость увяла на корню, уступив место дрожащим рукам и подгибающимся коленям. Страх холодной ртути разлился в желудке, сердце бестолково дергалось, стремясь проломить грудину и сбежать от нерадивой хозяйки как можно дальше. Собрав волю в кулак, я трясущейся рукой дотянулась до дверного молотка и на удивление громко постучала.

Открыли не сразу. Ваша покорная слуга как раз успела придушить поднявший голову страх. Но когда распахнулась дверь, моё спокойствие рассыпалось, и страх с победным воем отвоевал свои позиции...

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоя ночной стражи

Всех, кто считает, что если рано встанет, то кто-то чего-то ему подаст, следует четвертовать! А само утро отменить официальным указом – как самое паршивое время. После ночной схватки на крыше и нелепой гибели Казимира, я почти не сомкнул глаз, задремав под самое утро за столом. Столько бессмысленной возни: сначала на конюшне, потом в саду у беседки. Бесполезный опрос единственного свидетеля, который ничего не разглядел в темноте. Стражники прочесали ближайшие улицы, и я помогал чем мог, но особых следов мы так и не обнаружили, установили только направление. Словно сама судьба была против, чтобы убийца моего помощника нашлась. Перед глазами стояло удивленное, совсем еще мальчишеское, лицо Казимира. Нелепое выражение, застывшее вечной маской бесполезной смерти, не давало мне провалиться в спасительную бездну сна. В его смерти виноват я...

От стука затряслись стены, по крайней мере, так мне показалось. Он громогласным эхом разлетелся по дому и выскочил в каминную трубу.

Меньше всего хотелось принимать незваных гостей в столь ранний час. Пусть на моём крыльце соберётся хоть весь городской совет во главе с градоначальником, с места не двинусь. Они Казика к жизни не вернут, только всю душу вымотают. Поэтому, когда домовый Пронька высунулся из-под веника и заикнулся, что «стучат в дверь», я только отмахнулся и закрыл голову руками, прижав лоб к столу.

– Там, это... юная гостья там, – задёргал за рукав домовый.

– Да хоть сама Огнева в неглиже.

– Прогнать? – переспросил Пронька.

Я зарычал. Ну что за манеры! Придётся идти самому, а то этот увалень чего доброго и правда нахамит незваной гостье. Не открывая глаз, я встал из-за стола, поправил халат и затянул пояс. Лестница закрипела под ногами. Семь ступеней: первая прогибается, на второй новая доска. Жизнь состоит из мелочей, застревающих в памяти. Многие сыщики недооце-

нивают их ценность, но без мелочей преступления не раскроешь. Почему тварь не сбежала? Зачем напала на моих помощников, убила и направилась в центр города? Я помял виски, и тяжело вздохнув, открыл дверь, приготовившись услышать торопливое щебетание утренней просительницы.

Но явно поспешил с выводами. Услышать что-нибудь вразумительное, мне не грозило. На пороге, комкая тонкими пальцами отвратительную горчичную шаль, стояла молчаливая гостя... Нет, не Смерть – её визиту я бы даже обрадовался, получил бы долгожданный отдых, но ко мне притащилась косноязычная девица из лавки Врочека. Глядела, как на упыря, и дрожала, как хвост дворовой собаки.

– А... э-э... бэ... мэ... – нечленораздельно выдавила она, собираясь рухнуть без чувств.

– Алфавиту по утрам не обучаю! – недовольно буркнул я. – Желаете чего-нибудь другого? Может, уже выполнили рисунки и хотите сдать работу?

Девица выкатила глаза и покачала головой. Хотя что-то понимает. Я вздохнул.

– Ну что вам надо, в самом деле?

Меньше всего сейчас хотелось играть в угадайку. Может околдовать? Или кликнуть Проньку, пусть оттащит на кухню и отпоит валерьянкой. Куда ещё девать это трясущееся создание, не в спальню же. Я криво ухмыльнулся.

– Мм... эмм... в-в-в... – продолжила она свою содержательную речь.

– Рад, что вы знаете так много букв, – всё ещё кривясь, пробормотал я. – Приходите, когда выучите все, с удовольствием послушаю. Можем даже пригласить музыкантов, и вы их пропоёте...

Я уже хотел захлопнуть дверь, но она вдруг встрепенулась и, вытянувшись, как школьница, надрывно выдохнула:

– Верните мой рисунок!

В её глазах плескалось отчаяние приговоренного к смерти. В очень красивых глазах, как ни удивительно. Даже подумалось о приглашении на утреннюю чашку кавы и светскую беседу, но бессонная ночь и жуткие события не позволили романтике пробиться сквозь черствую корку.

– Как только вы выполните свою работу, – ультимативно заявил я, продолжая пристально рассматривать свою гостью.

Есть в ней что-то завораживающее, как в том пресловутом рисунке. Сразу не разглядишь, но под неприметной «обложкой» скрывается буря страстей. Даже не выспавшись, я не терял квалификацию, пытаясь прочесть подозреваемую. Тьфу ты! Посетительницу? Мысли путались, а основные силы уходили на то, чтобы держать спину прямо, не падать и не спать прямо в коридоре.

Девица же всё больше превращалась в трогательного маленького совёнка, распахнув серые глазищи и комкая в пальцах концы шали, она дрожащим голосом выговорила:

– Он не ваш, верните!

Ещё чуть-чуть и польются слезы.

– Верну-верну, ничего с вашими почеркушками не случится, – заверил я, едва подавив зевоту.

Девица яростно засопела и пошла красными пятнами. Тонкие пальцы сжались в маленькие острые кулачки.

– Почеркушки?!!

– Да, да. Но не надо так переживать, как только вы выполните работу...

Девица резко развернулась на каблуках, поняв, что большего от меня сейчас не добьется.

Я уж хотел попрощаться и захлопнуть дверь, но разглядел в её волосах начарованный цветок. Какая необычная магия... Рука помимо воли перехватила узкое плечо, пальцы, не

дожидаясь команды затуманенного разума, сами потянулись к цветку и невольно коснулись кудрявой копны. Ладонь на мгновение замерла.

– Какой бутон...

Раздался звонкий шлепок, цветок выскользнул из пальцев.

– Извращенец! – взвизгнула непрошенная гостья и стремительно рванула прочь.

Я потер щеку. Уже забыл, когда меня били по морде дамы.

– Помешанная! – раздраженно рявкнул ей вслед.

Даже спать расхотелось. Выпить бы кавы, но простые банальные радости мне в ближайшее время не светят, остаётся пойти и покурить.

– Пронька! – гаркнул я. – Утюжь камзол, отправляюсь в Школу Высших Искусств.

– В такую-то рань? Так вас там и ждут.

– Гжесь Ремиц приходит рано, а мне надо с ним поговорить. Он свидетель по моему последнему делу. Накануне играл с погибшим в карты, вдруг вспомнит что-нибудь полезное.

Я уже набивал трубку, устало разглядывая улицу за окном, а Пронька продолжал бормотать за спиной.

– Всю голову ломает, будет вспоминать. Ни днём, ни ночью никому от вас покоя нет.

Глава 3 В которой мы узнаем кое-что о работе книгопродавца

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

Если бы вела дневник, в нем бы обязательно стоило пометить: 15-е жовтня⁵, неприятности, часть вторая. Благо, в отличие от множества своих сверстниц, я не страдаю ежедневным самокопанием и записыванием надуманных страданий в изящную книжечку. Однако данную пометку всё равно сделала. Мысленно.

Небо затянуло тонкой серой пеленой, которую пригнал с залива ветер. И от тепла остались одни воспоминания. Похоже, через пару дней эту серую хмарь унесет в Сабрию, и западные соседи получат свою порцию осенних прелестей в виде холодной мороси и нудной сырости. По брусчатке, словно выброшенные на сушу лодки, скользили сухие кленовые листья, слетая в свинцовые воды реки.

Я быстро шла по улице, одной рукой удерживая норовящую упорхнуть шаль, а другой бережно прижимая к груди отвоеванный цветок. В голове, скакала единственная мысль: «Негодяй! Извращенец куцев! Думает, если в стражу устроился, так ему все позволено?!» Только вот цветок... Откуда, куць его задери, он взялся? Ведь не из вчерашнего же сна он впутался в мои пружинки, лишь по недоразумению названные волосами. Ибо сон, как известно, субстанция нематериальная. Догадка пришла внезапно. Сдались магу мои сомнительные прелести – Вилька заинтересовал цветок и только. Да, некрасиво получилось. Врезала по лицу боевому магу! Просто так... по ошибке... Глупая победа быстро померкла. Он же ничего плохого, видимо, не хотел, а я... Неловко вышло. Хотя... нечего было говорить, что мой рисунок почеркушки. Всем нравится, а он видите ли недоволен, тоже мне критик нашёлся. Место сожаления заняло ущемленное самолюбие, а при мысли о головомойке за очередное опоздание и забытую дома книгу с гравюрами, на душе стало совсем погано.

Ворвавшись в лавку, я приготовилась к отповеди недовольного и возмущенного хозяина, но пролетела сквозь выплывшую навстречу Анисию и едва не врезалась в Румпеля, спокойно пившего чай с печеньем и листавшего книгу. К моему удивлению, не привычный эльфийский трактат о любовных утехах, а «Трансполярную модификацию живых существ» Ивы Восточнолеской. Троль ловко ушел от столкновения и перехватил меня за талию, не дав страстно обняться с книжным шкафом.

Не верьте, если говорят, что тролли неуклюжи и неповоротливы! Это наглая ложь! При всей своей массивности, двигаются они куда проворнее людей. Для меня загадка, как Румпель, напоминающий дубовый сундук, удержал кружку с чаем и поймал меня. При этом не пролил ни капли и даже печеньку из загребущей лапы не выпустил.

Вывернувшись из объятий тролля, я мешком упала в кресло и красноречиво уставилась на закопченный помятый чайник, одновременно косясь на глиняную кружку. Румпель правильно истолковал мои знаки и, добавив заварки, налил кипятка.

– А где Врочек? – запоздало вспомнила я, грея озябшие пальцы о кружку.

– Старый книгопродавец с утренним баркасом отбыл в Зодчек к капитану Эдрику, – недовольно откликнулась Ася, усаживаясь на стол рядом со мной.

Зодчек – один из трех самых крупных портов Растии – находился по ту сторону залива. Трижды в день туда из Кипеллена ходил пассажирский баркас, доставляя всем желающим сомнительное удовольствие двухчасовой морской прогулки. Врочек, например, терпеть не мог болтаться по волнам – старика зверски укачивало, да и ревматизм после «целебного морского путешествия» мучил нещадно. Посему пан Франц предпочитал добираться до своего старинного друга капитана Эдрика Брилова по суше, пусть и вдвое дольше. Сегодня же решил пре-небречь традициями... С чего бы это?

Пока я придавалась нехитрым размышлениям, Ася продолжала недовольно ворчать. Что ж, её можно понять. Пан Эдрик, в прошлом капитан боевой шхуны «Мантикора», а ныне владелец антикварной лавки в Зодчеке, не утратил связей в морском братстве и кроме антиквариата промышлял ещё и сбытом награбленного. Иногда к нему попадали и книги. Тогда Врочек бросал всё и на сутки-двое пропадал в прибрежной клоаке, именуемой Зодчеком. Ася ворчала, что когда-нибудь это сотрудничество вылезет старому книгопродавцу боком. Я же облегченно вздохнула, похоже, головомойка отменяется. Впрочем, могла бы и сама догадаться, что хозяйина нет. Иначе Румпель ни за что не приперся бы чай гонять.

– Ну, а у тебя как? – вкрадчиво спросила Анисия, выразительно скосившись на рисовальную доску.

Я со стоном уронила голову на руки и тоскливо забубнила сквозь локти, посвящая друзей во все подробности утреннего визита.

– Ты отвесила ему плюху? – восторженно переспросила Ася, лихо взмывая над столом.

– Угу... – глухо откликнулась я из-под локтей.

– Плакал теперь твой рисунок, – обронил более прагматичный Румпель.

– Порвёт не иначе, – согласилась призрак.

Она уже успела посвятить тролля в подробности вчерашнего хищения моей собственности.

– Мм...

В лавке воцарилась тишина, и я отчетливо почувствовала, как Румпель с Анисией обмениваются многозначительными взглядами опытных заговорщиков, обмозговывая одну идею на двоих, которая мне вряд ли понравится. Поэтому я поспешно вынырнула из сложенных гнездышком рук, но всё равно опоздала. Моя судьба была предрешена!

– Рисунок нужно вернуть! – вынесла очевидный вердикт Ася.

– Вот иди и возвращай! – хмуро огрызнулась я. – Ты же у нас главный идейный вдохновитель.

– Вот именно, идейный, – назидательно воздела призрачный перст Анисия, – и вообще, пора запомнить, что мне даже порог лавки переступить нельзя, – обижено надулась призрак.

– Можно устроить ночной налет! – воодушевленно изрек Румпель, – ну, или вылазку... – умерился его пыл от моей перекошенной физиономии.

– С ума сошел? – вяло поинтересовалась я. – Он же меня на ноготь положит да ногтем прищелкнет! И будет прав, между прочим. Если воришку поймают на горячем, то хозяин имущества волен и убить.

– Хе, глупышка, его ж по ночам дома не бывает, – расхохотался тролль.

А и правда. Вильк же служит в Ночной страже. То-то он сегодня утром такой помятый и всклокоченный вышел. Видно выдернула его из постели, едва он туда забрался. Представляю, какой злющий он будет к вечеру. Не приведи Четверо Пресветлых с ним встретиться.

– Румпе-эль, – заискивающе протянула я, – а может, ты это... сам?

– Что сам? – захолопал он увеличившимися в два раза глазами.

– Ну, ночной налет... – пробормотала я, стыдливо потупившись. – Ты смелый, ловкий, – начала подлизываться ваша покорная слуга, – к тому же у тебя, наверняка, и опыт этих вылазок имеется.

Трольь закашлялся и выразительно постучал узловатым пальцем по лбу. Слава богиням, по своему, в противном случае у меня бы случилось сотрясение мозга, лапа у Румпеля тяжелая, как кувалда и такая же твердая.

– Аля, ты в своем уме? – прочистив горло, осведомился он.

Упс, если Румпель начинал называть меня Алей, значит, я действительно сморозила глупость. По мнению тролля, конечно же. Лично мне ничего невероятного в своих словах не привиделось.

– Я тролль! – он гордо выпятил грудь, и старенькая рубашка опасно затрещала в туго зашнурованном вороте. – Мы не эльфы, нас на званые ужины обычно не зовут. Если Вильк застукает меня в своём доме, то заколдует на месте, и никто не узнает, где моя могилка. Забыла, кто он?

– А меня он, выходит, погладит по головке, даст конфетку и, отвесив напутственный шлепок по заднице, отпустит с миром? И вообще, приличным незамужним дамам не пристало шляться по ночам в дома неженатых магов в расцвете сил и возможностей!

– Ты – человек, – философски пожал плечами Румпель, – к тому же, как ты правильно сказала – дама. А Вильк, при всех своих тараканах в голове, не чужд благородства.

– О да, вместо того чтобы сдать меня страже, он благородно испепелит меня на месте без лишнего позора. Быстро и безболезненно! А потом ещё и урну с прахом Врочеку принесет, с соболезнованиями!

Как ни кипело во мне возмущение, но патетичную тираду пришлось прервать. Ася уже с минуту подавала от двери предупреждающие знаки.

– Потом договорим! – быстро перестроилась я. – Румпель, спрячь чайник, бегом! У нас посетитель. Да не под стол, дубина, там эскизы!

Сама же я поспешно засунула недопитые чашки в ящик. Л-леший! И самого Румпеля не помешало бы куда-нибудь засунуть! Речной тролль, эдаким дополнительным шкафом застывший посреди лавки с чайником в руке, определенно не добавит нам престижа. Пусть он даже исключительно интеллигентный тролль.

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоя ночной стражи

Пока повозка катила до школы Высших Искусств, я упрямо пытался подремать, но когда сон перебежешь, хоть зелье пей, хоть дистиллят, всё равно уже Снява в гости не позовёт. Капризный, словно малое дитя, если отгонишь, пусть даже невольно, обидится и уйдёт. Жди его потом, пока терпенье не треснет. Да клюй носом под его шепоток: «Чую, где ночую, да не знаю, где сплю».

Мы остановились у черного хода, и я поднялся по спиральной лестнице в старую кривую башню – лабораторию алхимиков. Последнее время их гильдия набрала влияние и уже начала соперничать с купеческой. Говорят, после выборов половину городского совета займут именно алхимики. И тогда совершенно неизвестно, кто станет новым градоначальником.

Карабкаться по узким ступеням наверх для меня сущее наказание, но мне приходилось проделывать этот тяжкий путь не реже одного раза в месяц. Запас дистиллята и колб быстро таял, особенно когда на службе выдавались такие «жаркие деньки», как сейчас.

Как я и думал, Гжесь уже пыхтел возле своих любимых реторт. Казалось, всю лабораторию перевивают стеклянные трубки. В них бурлили, klokотали и исходили разноцветной пеной зачарованные растворы.

– Доброе утро!

Заместитель главы кафедры алхимии вздрогнул и нервно оглянулся. И без того узкое, вечно испачканное чернильными пятнами и брызгами зелий, лицо вытянулось еще больше. Подслеповатые, выцветшие глаза близоруко захлопали, и он сдернул со лба толстые очки.

– А пан Вильк, – выдохнул он. – Брат не предупреждал, что вы придёте. Закончился дистиллят? Сейчас месяц Хрустальной луны, так что даже дистиллят получается особый. В это время выходят самые мощные зелья.

– Да, но дело не только в этом, – я остался у порога, не решаясь протиснуться вглубь стеклянного леса.

В лаборатории комфортно только братьям Ремицам. Со старшим, нынешним главой кафедры, мне довелось знаться еще со студенческих времён и почитать одним из своих немногочисленных друзей, а младший сейчас заинтересованно рассматривал меня, поглаживая редкие белые волосы на макушке.

– Ты играл в карты с Любомиром Дражко прошлым вечером.

Гжесь закивал.

– Да, в клубе «Шляпа и трость». Он проиграл и просил в долг, но был слишком пьян, чтобы продолжать, и его попросили уйти.

– Помнишь во сколько?

– Кажется в десять, – он пожал плечами, – но могу и ошибаться, в клубе нет часов. А что случилось?

– Любомира убили. Ты случайно не видел, с кем он уходил?

– Нет. Вроде один, а может и нет... играл ведь...

– Спасибо, – пробормотал я, но попробовать стоило.

Гжесь еще немного потарасился на меня из-за толстых очков и принялся складывать бутылки с дистиллятом в коробку. Добавил два десятка колб с магическим раствором и снова пожал плечами.

– Что-то еще?

– Нет, благодарю. Передавай большой привет брату, заскочу к нему, как только будет время.

Я не отпускал повозку, поэтому быстро доехал до управления Ночной стражи и скрылся в кабинете. Ранним утром ещё нет лишней суеты, никто не помешает разогнать болтливый табун мыслей по стойлам и заставить послужить на благо Кипеллена.

Трубка сама собой оказалась зажата в зубах, а кольца дыма нарочито медленно взлетали к потолку. Шесть убийств... Ни слова о нелепой гибели Казимира, пока не отыщется душегуб – он одна из жертв, и всё! Оплакивать буду потом, сейчас важнее найти мерзавку и поквитаться за его гибель. Если бы я вернулся из Болотного края неделей раньше, осмотрел бы первые тела и сделал припой, то мог бы предотвратить дальнейшие преступления, но теперь остаётся только складывать добытые ранее улики.

Прошлой ночью нежить показала себя во всей красе. Теперь понятно с кем мы имеем дело. Пыхтя трубкой, я раскрыл снятый с полки фолиант. Пальцы машинально скользнули по жестким шершавым страницам и быстро нашли нужный заголовок: волосница островная, она же ночная смешливица. Правда, не многим после её шуток удавалось уйти на своих ногах. Редкий гость! В Растии про такую тварь не каждый боевой чародей вспомнит. Обитает только на далеких островах Янского архипелага, там, где потише, потеплее, да поспокойнее. Это семь дней по морю на восток при ясной погоде и попутном ветре. Но за это время тварь бы сожрала весь экипаж. Тогда как, куць меня возьми она попала в Кипеллен?

Я взглянул на искусно начертанное изображение. Сильные прыгучие ноги, не особо крепкие руки, зато отростки на голове с длинными серповидными крюками. Опасна, но уязвима: ни бронёй, ни магической защитой не обладает. При определённых условиях можно справиться один на один, но в замкнутом пространстве не спасут и заклинания. Смешливица походила на полуженщину, полу чудище морское, неведомо почему и по какому недосмотру четырех богинь выбравшееся на сушу. Не хватало только чешуи и рыбьего хвоста. Сплошное недоразумение. Она не привыкла полагаться на грубую силу, а как многие подводные обитатели при-

творялась, дожидалась, когда несчастная жертва не ждала удара в спину и жестоко расправлялась с ней. Могла принять обольстительный женский образ, но говорила неразборчиво, только мелодично хихикала.

Я выпустил ещё одну порцию дыма. Она точно не гурман и привыкла обходиться всем, что подвернётся под руку. Тогда почему искала пропитание на балах, и как ей удавалось вывести аристократов из ярких, многолюдных залов на тихие, одинокие улицы? Смешливица не может похвастаться изысканными манерами, обаянием и кокетством. Её кто-то направлял?!

Я задумчиво разглядывал список жертв. Мы всех проверили, их ничего не связывало. Они даже не знали друг друга. Сходство только в молодости и высоком положении семей убитых. Не зря же Казик грешил на маньяка. Проклятая смешливица не охотилась наобум, но чудовища не выбирают своих жертв, для них главное набить брюхо. А значит, всё сходится в одной точке, кто-то привёз её в Кипеллен, подкармливая по дороге, научил не бояться шумного высшего общества, и теперь выпускает на охоту в город, заставляя нападать только на богатых щеголей. Но, куць и все его куцята! Получить такую власть над прожорливой бестией сможет не каждый маг! Зачем он наполняет наши улицы страхом? Какая-то блестящая идея настойчиво стучалось в мою голову...

– Пан чародей! – в дверь просунулась голова дежурного стражника. – Вас в холодную зовут. Говорят, срочно!

– Иду, – бросил я.

Дельная мысль растворилась в табачном дыму, даже не помахав на прощанье.

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

На улице хлопнула дверца кареты, колокольчик у входа приветственно звякнул, и я, уже нацепив на лицо дежурную улыбку, облегченно выдохнула, улыбнувшись значительно искренней. В лавку, подметая не шибко чистый пол длинным подолом платья из безумно дорогой русской шерсти, вошла Делька, она же Адель Мнишек, моя старинная школьная приятельница, бывшая сокурсница и наша постоянная клиентка. Это именно из-за неё Врочек держал в лавке полочку с эльфийскими романами, а я получала постоянную возможность подзаработать за Делькин счет. Ибо, как она сама говорила, с неё не убудет, а человеку приятно, что его труд оценили по достоинству, даже если этот труд – иллюстрации к эльфийским романам. Она и сама неплохо рисовала. Зря, что ли, я тащила её все десять лет совместного обучения в Школе Высших Искусств? Хотя, мне до сих пор непонятно, на кой ляд единственной и горячо любимой дочери Редзяна Мнишека, хозяина верфи и корабельных мастерских Кипеллена, понадобилось жить в школьном общежитии и пыhtеть над листом бумаги с карандашом в руках.

– ...и наверняка в кружку ни шиша не кинули... – одними губами проворчал тролль.

– На твоей шильде нет ни слова о каретах, – так же тихо ответила я.

Адель тщетно оттирала испачканную о колесо юбку. Тихо выругавшись, она бросила бесполезные попытки, встряхнула головой, так что длинные золотистые волосы тяжелым шелком рассыпались по округлым плечам. Огромные голубые глаза, высокие скулы, пухлые губки и личико сердечком делали её похожей на эльфийку. По крайней мере, в представлениях людей о красоте.

– Привет, Алана.

– Привет, – я махнула рукой, приглашая её к столу. – Познакомься, это Румпельстилтскин, смотритель моста. Румпель, это Адель, моя подруга.

– Похоже, кучер снова не уплатил за пользование мостом, – виновато улыбнулась она и полезла за кошельком, стремясь исправить упущение.

А у меня возникло подозрение, что она каким-то чудом расслышала праведное возмущение тролля.

– Мм, не стоит волноваться, панна, – стушевавшись, выдавил Румпель, не в силах отвести от Дельки очарованных глаз.

Пришлось чувствительно пнуть его локтем в бок, чтобы перестал пялиться на Адель, будто она диво лесное и чудо морское в одном лице. Подруга же сама заинтересованно разглядывала тролля. Гм, что ж, следует признать, Румпель обладал изрядной долей обаяния, пусть и довольно своеобразного, особенно когда не тарасился опупевшим взглядом на сногшибательных красоток.

– А... э... ну, пойду... а то там это, мост без присмотра, и таверну открывать надо... – промямлил он, бочком пробрался к двери и сбежал на улицу.

– Ка-акой мужчина-а, – восхищенно протянула Делька, проводив тролля взглядом, – признавайся, это с него ты рисовала главного героя в «Неистовом Тролланде» Ифигении де Лобзаль?! – возопила она, налетая на меня, словно бойцовая курица.

– Признаюсь, – согласно кивнула я, с нервной дрожью вспоминая бессмертное творение госпожи де Лобзаль, где на пятьсот страниц расписывались страдания тролля, влюбленного в эльфийку.

Эльфийка кочевряжилась, тролль мучился. Периодически они менялись местами. Венчала сие безобразие ночь любви на десять страниц. Делька с чувством зачитывала мне вслух сцены, которые хотела увековечить в чернилах, а меня разбирал истерический хохот. И если эльфийку получалось спокойно рисовать из головы, то тролля пришлось брать с натуры.

– Только не говори мне, что он занят! – продолжила сходить с ума подруга.

– Насколько мне известно, он абсолютно свободен, – сухо откликнулась я.

Иногда восторженность Дельки выводит из себя.

– Только сомневаюсь, что подобный выбор придется по душе твоему батеньке, почтенному пану Редзяну.

Делька лишь отмахнулась, зная, что ради её счастья отец пойдет на любые уступки. Вот только у меня оставались сомнения, что речной тролль в качестве зятя входит в список уступок. К несчастью, творение госпожи де Лобзаль настолько поразило мою впечатлительную подругу, что она в последнее время грезилась исключительно широкоплечими, мускулистыми троллями. Её не смущало даже то, что в комплекте с мускулистостью шла изрядная волосатость, специфический запах и хвост. Адель упрямо твердила, что настоящий мужчина должен быть могуч, вонюч и волосат, а хвост, почему-то, её особенно привлекал. Я же тешилась надеждой, что эта блажь пройдет у неё так же, как и предыдущая.

Запоем прочитав сагу Стэфаниэль Сумеречной, полгода назад подруга страстно мечтала о томных клыкастых красавцах с интересной бледностью, сиречь о вампирах. А тут, как на грех, наблюдательная Делька заметила, что по вечерам у их дома отирается мечта всей её жизни, и блеск его клыков затмевает лунный свет.

Вот она, её судьба, решила подруга и начала действовать. Полвечера она в полупрозрачном летнем платье прогуливалась по саду, как раз в пределах видимости вожаемого вампира. Когда же пришло время отходить ко сну, оставила окно нараспашку, задернув его легчайшими тюлевыми занавесками, распустила волосы и сидела на подоконнике, пока не заметила, что объект страсти забрался в сад. Мигом забравшись в постель, Делька как можно эффектней разметалась под батистовой простыней, картинно разложив по подушке свои золотые локоны, и притворилась спящей.

На прикроватном столике, распространяя сивушный аромат из-под неплотно притертой пробки, стоял шкалик отменного самогона, заблаговременно утащенный из бара в папеньки-

ном кабинете. Как клялась потом Делька, самогон был припасен чисто в медицинских целях – укус промыть.

А под простыней, затаившаяся в предвкушении подруга крепко сжимала обожженный и заточенный осиновый кол – а то вдруг вампир возжелает не только лебяжьей шейки, но и чего-нибудь пониже. И вот, занавески тревожно заколыхались, о подоконник скрипнули подбитые гвоздями сапоги, Делька замерла под простыней, не дыша и слушая, как жданный гость спускается в комнату и подходит к туалетному столику.

Раздался глухой «чпок» и сивушный аромат усилился. А затем Дельку бесцеремонно встряхнули за плечо. И вампир, дыша перегаром, хрипло спросил: «Слышь, закусь есть?». Обиженная в лучших чувствах, Адель от души треснула вампира колом по лбу. Тот икнул, свел глазки в кучку и с грохотом сложился на пол, не спеша, впрочем, превращаться в прах, то ли из вредности, то ли оттого, что подруга ударила тупым концом кола. Позже выяснилось, что вождельный вампир оказался профессиональным домушником и в дом его влекли отнюдь не Делькины полнокровные прелести. К несчастью именно в этот вечер вор зверски мучился похмелем, и благоухающая сивухой фляга затмила его разум. Так он попался, а Делька избежала от тяги к вампирам и заодно к романам госпожи Сумеречной.

Выплеснув из чашек остывший чай, я залила по новой. Благо, угли, лежащие в двойном дне чайника, сохраняли температуру воды.

– Дель, извини, роман пока не закончила, – виновато произнесла я, ставя перед подругой дымящуюся кружку. – Одной иллюстрации не хватает.

– Как? Что, опять чернильницу перевернула? – в притворном ужасе возопила Адель. – Ты же доделаешь, правда? Очень хочется посмотреть, что вышло... Но сейчас пришла не за этим, – отмахнулась она, поглядывая на входную дверь в надежде, что Румпель вернется.

Да? Чтобы подруга явилась в лавку не за очередным романом, это что-то новенькое...

– Хочу пригласить тебя на бал в честь моего Дня рождения, – ошастливила меня Делька.

– Нэ-нэ-нэ! – замахала я руками и шаль тряпичными крыльями захлопала в воздухе, на миг превратив меня в большую горчичную моль. – И буду там, аки врань среди павлинов, – хмыкнула ваша покорная слуга. – Давай лучше встретимся на следующий день и посидим где-нибудь, да хоть и в «Под мостом» у Румпеля. Какой он глинтвейн варит, ммм, закачаешься...

– Лан, я обещала, что ты придеешь... – сникла Адель, отводя глаза.

– Четверо Пресветлых, кому? – ужаснулась я.

– Э... ну, в общем, дала роман с твоими иллюстрациями нескольким соседским фифочкам...

– И они захотели увидеть художника! – поразила меня ужасная догадка.

– Хуже, твои работы дошли до автора романа, – наиграно вздохнула Адель, – Лана, твои работы оценила сама Джульетта Скворцонни...

«Ну, хоть не Ересиэль Многоцветная, – уныло подумала я, – чей роман «Миллион цветов радуги» повергал в священный ужас почтенных матрон, а легкомысленных девиц вдохновлял на заказ черных кожаных корсетов, дамских плеток и чулок сеточкой».

Задумавшись над превратностями судьбы, я отвлеклась, а подруга продолжала восторженно расписывать мой будущий карьерный взлёт:

– ...она в Кипеллене проездом и задержится на бал только ради того, чтобы увидаться с тобой...

Услышав последнюю фразу, я в отчаянии схватила за голову и тут же застряла пальцами в своих кудряшках. Куць и все его отродье! Откуда, ну откуда, скажите мне, теперь взять Аллариэль Златокудрую?! Именно так я подписывалась под иллюстрациями, убеждая всех, что эльфийские романы иллюстрирует эльфийка. Сама же на эльфа похожа как свинья на коня, только хвост да грива не такие. Мягкие черты лица, глубоко посаженные серые глаза, курносый нос, россыпь веснушек на скулах и волосы-пружинки. Эльфийского во мне, кроме подписи на

рисунках, не было ни на грош. О чем в глубоко эмоциональной и местами площадной форме я не преминула сообщить Дельке.

– Лан, ну давай мы тебя замаскируем, – заныла подруга, – личину наденешь. У тебя же в школе этот фокус хорошо получался. Помнишь, как ты за меня историю высших искусств сдавала?

– Помню, как полгода из-за этого сидела без стипендии, – скептически хмыкнула я.

На самом деле навести личину несложно, да только преподаватели Школы Высших искусств на таких двойниках дракона съели и раскусывают мошенников мгновенно. Если, конечно, вы не живописец... Обладая зачатками магического дара и знаниями о живописном мастерстве, можно и не такие фокусы устраивать. Достаточно нанести на тело определенный рисунок. Вот узор, отвечающий за личину, например, наносится на ладони... которые во время второго захода на экзамене у меня вспотели и рисунок поплыл. Личина, само собой, тоже.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Делька. – В этот раз все будет нормально. Ты, главное, чернила водостойкие возьми. А ещё Сквиорцонни хочет посмотреть твои последние работы, я ей сказала, что они просто чудесны...

У меня внутри похолодело. Без той, что спёр бесстыжий Вильк, иллюстрации потеряют свою изюминку. Показывать остальные без него просто бессмысленно.

– Дель, ты же их в глаза не видела, – я с упреком посмотрела на подругу, понимая, что в роли «сводника» выступила лично Делька.

– Мне ли не знать, как ты рисуешь! – легкомысленно фыркнула Адель. – Лана, тебя ждёт отличный контракт, ты сможешь оставить работу у Врочека и открыть свое дело!

Я наградила её тяжелым хмурым взглядом, Делька отлично знала про мою мечту о собственной мастерской. Но голубые глаза подруги светились такой щенячьей надеждой, что вытерпеть не получилось.

– Хорошо, уговорила. Будет твоей писательнице Аллариэль Златокудрая.

Адель просияла. Кто бы сомневался! Мне всегда было интересно, как ей удастся подбивать меня на сомнительные авантюры и при этом выходить сухой из воды? Потому что в неприятности вляпывалась неизменно я, причем, по своей собственной вине. За сим, дорогая подруга откланялась, сославшись на срочный визит к портному.

Погрузившись в невесёлые мысли, я не услышала, как звякнул дверной колокольчик, и едва не пропустила посетителя. Из раздумий меня вывело озадаченное криканье, заставившее недоуменно уставиться на вошедшего. Кого-кого, а таких книголюбов у нас отродясь не бывало. Чего стоили только здоровые, словно лопаты, ладони, в кои, собственно, и уперся мой взгляд. Эти лапы покоились на объемном пузе, перепоянном красным кушаком. Темно-зеленая свитка с трудом сходилась на мужике, грозя растерять костяные пуговицы по закоулкам лавки. Замаранные дёгтем сапожищи разили на весь зал. Маленькие пороссячьи глазки терялись на фоне толстых щек и здорового мясистого носа, характерного помидорного цвета.

– А ну-тка, паненка, – пророкотал он, заставляя стеллажи задрожать, – неужто у вас тут цельная книжная лавка?

– Да, почтенный пан, – как можно вежливей ответила я, но следующий вопрос все же выбил меня из равновесия.

– Что, и книжку можно купить?

– Если у почтенного пана хватит левков⁶, то можно и купить.

– А если не хватит? – спесь слегка слетела с мужика.

– А если не хватит, то можно просто поглядеть! – отрубил я, видя, как он нетерпеливо потирает не шибко чистые руки, и припечатала: – А то если обложки попачкать ещё дороже выйдет... Так чего почтеннейший желает?

Мужик заволновался и, спрятав грязные руки, заложив большие пальцы за кушак. Пузо ещё сильнее выперлось вперед, но совсем оконфузиться он не успел. Колокольчик звякнул вновь, и в лавку протиснулся ещё один посетитель.

– Почтовый из Канатецки, – представился он, сдвигая на затылок кучерскую шапку. – Груз заберите, и это, доставку, того...

Груз? Вот Врочек, вот гад! Мог бы хоть предупредить, что сегодня привезут новые книги. И где мне теперь, спрашивается, деньги искать? Там же на сотню левков, не меньше!

– Он утром тебе в столе кошель оставил, – прошелестела над ухом Ася, возникая за моим левым плечом подобно духу-губителю.

Несчастный почтальон сдавленно икнул, попятился к двери, оступился на пороге и вывалился на улицу, усевшись на мостовую. Толстый книголюб всё пялился на полки и Анисию не заметил.

– Ася, ну нельзя же так, – укоризненно проговорила я, запуская руки в верхний ящик.

Выудила туго набитый кошель и поспешила наружу. Прямо напротив дверей стояла запряженная парой мохнатых лошадок почтовая карета. Кучер, отряхнув штаны, торопливо снимал с запяток приличных размеров сундук, обтянутый промасленной парусиной.

– И почто пан торговец покойницу эту в лавке держит? – неприязненно произнес он, опуская сундук на землю. – За каждым разом, как к вам заезжаю, седых волос добавляется.

– Пан Врочек не торговец, – сухо одернула я.

Сам Франц всегда жутко обижался, когда его так называли, огрызался, что торгуют корабейники на ярмарке или мошенники в купеческой гильдии. И высокомерно добавлял, что при продаже книг торг неуместен.

– Да по мне, хоть дидько лысый! – раздраженно буркнул кучер, едва не уронив тяжелый сундук себе на ногу.

Я передала кошель. Он сверился со свитком, пересчитал монеты, вскочил на козлы и был таков.

– Эй, а внутрь занести?! – возмущенно закричала я вслед, но ответом был лишь дробный стук копыт по брусчатке, да грохот обитых железом колес.

А мне осталось лишь удрученно глядеть на обтянутый парусиной ящик у ног. Ругаясь сквозь зубы, я уцепилась за одну из веревок, оплетающих злосчастный сундук, и волоком потащила в лавку. Отдуваясь и пыхтя, словно недовольный чмопсель, затолкала поклажу внутрь и с хрустом потянулась. Уф! Ну, Врочек, это тебе ещё икнётся! Премию что ли в конце месяца потребовать, за таскание тяжестей? С такими меркантильными мыслями я полезла в стол за ножом, дабы распаковать книги, и наткнулась глазами на книголюба, бессмысленно слоняющегося по лавке.

– Так, уважаемый, вы на что-нибудь решились? А то дел по горло...

Толстяк резко обернулся, испуганно схватился за шею и с круглыми глазами опрометью кинулся вон, едва не потеряв на ходу смушковую шапку.

М-дя... Похоже «перспективного» клиента мы только что безвозвратно потеряли...

Ася беззвучно покатывалась со смеху.

– Что? – не поняла я.

Дверь за книголюбом уже захлопнулась, а стекла еще продолжали дребезжать.

– Он бы всё равно ничего не купил, – все ещё хихикая выдавила Ася, – но угрожать, что тесаком по горлу...

Тьфу! Я взглянула на зажатый в кулаке нож и тоже расхохоталась, вспомнив, как набросилась на несчастного: злая, растрепанная, с шальными глазами и здоровенным троллем тесаком в руке. Продолжая давиться смехом, разрешила веревку и, сняв парусину, полезла в сундук, но там меня ждало новое разочарование. Половину ящика занимали книги по теории построения узоров, пентаграмм и печатей в различных видах магического ремесла. А теорию начер-

тательной магии я ненавидела ещё со школы. Обладая врожденным чутьем и абсолютным глазомером, в упор не понимала научную основу.

– «Беда мне с твоими способностями», – ворчал учитель, тщетно пытаясь вдолбить в мою голову формулы построения на плоскости.

А я валила контрольную за контрольной, предпочитая чертить на глаз и не заморачиваться теоретическими выкладками. Магистр Никол вздыхал, ставил за рисунки пятерку, а за теорию кол и продолжал заниматься неблагодарным делом вколачивания знаний в нерадивую голову. В итоге к концу обучения мне удалось наскрести на твердый тройка, но учитель из жалости поставил четверку, чтобы не портить диплом.

Подтащив короб к стеллажу, я расставляла книги, напевая под нос что-то про чудесный пенёк, на котором хорошо сидеть в чудесный день. Полки недовольно поскрипывали, когда на них опускался очередной тяжелый том, а в углу одной из них обнаружилась деревянная труха. Эх, говорила же, что древоточек в лавке завелся, а Врочек не верил!

Скоро мне стало все равно, что отпечаталось на хрустящих страницах – теория начертательной магии или опусы об эльфийской любви. Главное, это были книги! Такие похожие и такие разные одновременно. Каждая со своей историей и со своей судьбой. И вместе с ними у меня тоже получалось творить на стеллаже отдельный мирок.

Закончив, я отступила на шаг, окинула взглядом дело рук своих и звонко чихнула. Передние ножки стеллажа с хрустом подломились, полки хрупнули, и вся гигантская машина резко накренилась, а на меня градом посыпались книги. Если бы верхние крепления не выдержали, то стеллаж стал бы моим надгробием, а так, слава богиням, пронесло. Под охи и ахи Анисии, я села посреди груды книг, словно наседка посреди гнезда. Медный уголок одного из томов уже на излете рассек мне бровь, и по лицу тонкой струйкой стекала кровь. А на голове домиком лежал учебник по той самой ненавистной начертательной магии. Тьфу! И что мне теперь делать, спрашивается?!

Я, постанывая, выбралась из книжного кургана. Ася причитала надо мной, понося нерадивого Врочка на чем свет стоит. Однако с беспорядком нужно было что-то делать. Не бросать же книги посреди лавки. Они ведь и отсыреть могут. Посему я уняла кровь и перенесла пострадавшие тома на стол.

Вот так, туда-сюда – и день прошел. А впереди ещё вечер... Весьма многообещающий, хм...

Ася, услышав о предложении Дельки, буквально воспарила к вершинам, крича из-под потолка, что такой шанс нельзя упускать.

– Душа моя, да в своём ли ты уме – отказываться от контракта из-за этого никчемного пустоболта Вилька! – будто демон искуситель, вынырнула она у меня из-за спины. – Ты должна показать этой, да простят меня Пресветлые, писательнице лучшее из лучшего! Такой шанс выпадает раз в жизни, и никакой разбалтай Вильк не должен тебе помешать. Пообещай мне, что сегодня же вернёшь рисунок. Ты знаешь, что все фибры моей души с тобой?

– Угу, потому что больше ничего нет, – пробормотала я себе под нос.

Если мне удастся пережить этот вечер, то можно смело записывать себя в когорту героев. Место в городских легендах мне уж точно обеспечено. А что? Сказ о доблестной девице Алане и злокозненном болтуне, тьфу, колдуне Бальтазаре – звучит!

Нервно посмеиваясь, я отправилась запирать лавку.

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоя ночной стражи

День проскакал мимо, будто дикий жеребец. Меня даже «укачало» от безумной скачки. Чтобы прийти в себя и проветриться, я пошёл домой пешком. Попинал тростью жёлтые листья на набережной, посмотрел на зажигающиеся фонари, вдыхая особый воздух, наполненный

неповторимыми запахами поздней осени. И к дому подошёл уже затемно. Скинул в прихожей туфли и плащ.

– Расставь всё по местам, – приказал вечно недовольному Проньке и, поднявшись на кухню, набил трубку.

Притулившись за небольшим столом, я хмуро уставился на полки. Старинные дверцы давно повело от пара и жары. Они рассохлись и дерзко скрипели несмазанными петлями. А печь так заросла копотью, будто её топили по-чёрному. Стулья в углу стояли друг на друге, стыдливо прикрывшись скатертью. Времена, когда я принимал гостей, давно канули в лету, и домовый бессовестно расслабился. Хорошо, хоть посуду мыл. Конечно, у него и тут работы было немного. С моими скромными пристрастиями в еде и единственным видом дозволенного питья на кухне ему задерживаться не приходилось.

– Пронька! – взвыл я, потирая ушибленный затылок.

Мерзкий домовый затеял нежданную уборку, и леветируя деревянную меленку с полки на стол, заехал мне по голове.

– Будешь разоряться, кикиморе скормлю!

– Да, больно надо, – обиделся домовый из-под веника.

– Больно, но надо, – машинально ответил я.

– Вот передохнет, ваше благородие, кусючая геранька на подоконнике от дыму ядучего, тогда уж сами не разорайтесь. Откачивать её, привередницу, и пестики промывать не буду!

Я огляделся. Кухня действительно утонула в дыму. Пришлось встать, распахнуть окно и впустить свежий воздух. Три куста мухоловок, которые Пронька упорно обзывал кусючей геранькой, зябко затрепетали листьями, а темно-красные цветы, в чьих плотно сомкнутых лепестках прятались острые зубья и длинные липкие языки, развернулись к улице. Я невольно вспомнил визит утренней гостьи и цветов. Он изумительно ей шел, небрежно запутавшись в мягких, но густых, светлых волосах. Видимо, не зря Врочек хвалил её таланты. Даже после бессонной ночи я не перепутаю настоящий цветок с материализовавшейся иллюзией. Вряд ли кто-то подарил его в ту раннюю пору по дороге к моему дому. Скорее выдернула из сновидений и оставила на память. Я вздохнул. Сама-то небось выпалась, а от меня Сняву отватила. Чего вообще об этом вспомнил? Да, точно, надо переговорить с Францем. Если она владеет даром материализации сновидений, её стоит держать подальше от моего трактата. Мало ли, что ещё способна учудить эта девица.

Я вытряхнул трубку и потёр правую ногу.

Всё думал, где видел её раньше? Шесть с лишним лет прошло, не сразу признал. Невольная причина половины моих несчастий. Не зря пытался её забыть и навсегда вычеркнуть из памяти. От неё, что в прошлом, что в настоящем – одни неприятности. По её милости, я едва не лишился ноги. Ладно, кто старое помянет... обошлось и слава Четырём Пресветлым. Главное не думать о деле. Если каждую минуту прокручивать в голове детали шести убийств, начнёшь потихоньку сходить с ума, но к разгадке всё равно не приблизишься. Искать верную ниточку надо на свежую голову, а для этого надо сбросить с плеч груз прошедших дней и как следует выспаться.

Я недоверчиво хмыкнул собственным мыслям. Выспаться, ха-ха. Себя не обманешь. Меня ждёт еще одна бессонная ночь. И, чтобы окончательно не сорваться, стоит хотя бы принять душ. Смыть въевшийся запах табака, неприятные воспоминания и попытаться втереть в себя немного бодрости.

Всё ещё путаясь в лабиринте навязчивых мыслей, я забрался в ванну и намылился. Импульс охранных чар чуть не выбил мыло из рук. В дом проник чужак. Пронька бессовестно спит и вряд ли проснётся до того, как воры не попытаются утащить сам дом. Я бы тоже не стал дёргаться, пусть попробуют найти что-нибудь ценное, но второй импульс, всё-таки выбивший проклятое мыло, означал, что распоясавшиеся грабители вскрыли мой кабинет. Тут уж

было не сдержаться. Подхватив первое попавшееся полотенце, и, смотав набедренную повязку дикаря, я бросился в бой.

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

О четверо милосердных, что я здесь делаю?! Как Аська уговорила меня на это самоубийство? Чтоб она там не несла, это не урок «пустоболту» и «разбалтаю», а ограбление боевого мага, которого боюсь до колик в желудке! Можно, конечно, успокаивать себя, что забираю вещь, принадлежащую мне по праву. Но я лезу в чужое окно, и если меня застукают, то отправят в уютную сырую комнату с окошком в клеточку и соседями-крысами, или Вильк испепелит на месте, не заморачиваясь выяснением личности.

Так! Не думать о нём! Надо мыслить позитивно. Его не должно быть дома! Он забыл установить охранные чары и ловушки на воров вроде меня. Угу... Такой забудет! Вот и безобидный плющик, по которому я вознамерилась лезть на балкон второго этажа, уже плотоядно тянется ко мне. Кыш, кыш! Уйди! Я, знаешь, какая травоядная! Не разевай пасть, а то сама тебя слопаю! У меня всё получится. Главное мыслить позитивно. Пусть домовый меня не заметит. Пусть у Вилька вообще никакого домового не будет. Пусть он весь такой беспечный и уязвимый, как девица под хмелём... Ага, щазз! Лучше плющ совсем не трогать, ну его к куцю в болото, руки мне ещё пригодятся. Знаменитых художниц без рук не бывает. Вон водосточная труба рядом, лучше по ней залезу.

Я повисла на трубе, и та надсадно крикнула. Меньше шоколада нужно лопать, ага! Тяжело лезть вверх, да ещё пыхтя, словно анагорский хурмяк⁷, бегущий в колесе... И бегать по утрам, угу! Юбка, пусть специально подобранная, и завязанная узлом на поясе, отчаянно путалась в ногах. Труба под моим весом удрученно скрипела. Если оторвется, рухну вниз, прямо в крыжовник. Зачем он тут вообще? Или... Лучше не думать, что этот, с позволения сказать «куст» способен сделать с хрупкой девчонкой возмнившей себя успешным грабителем. Никаких «или»! Мыслю позитивно! Геройскую смерть оставим напыщенным юнцам, а себе возьмём заслуженный трофей.

Труба вновь издала душераздирающий скрежет и опасно отклонилась от стены, но крепежи пока держали. Никуда они не денутся, потерпят ещё минутку, уже почти добралась. Осталось раскачаться и... Сидя на крапиве, мечтай о позитиве-э-эх! Я перепрыгнула с трубы на балкон, навалилась животом на перила и вцепилась в фигурные столбики. Та ещё скалолазка! И поза живописная! А уж как впечатляюще выглядит с улицы мой оттопыренный тощий зад с задравшейся юбкой.

Я не успела «порадоваться» за случайных прохожих, как труба с мерзким скрежетом отделилась от стены и повисла над «крыжовником», раскачиваясь на нижних крепежах. Обратный путь отрезан. Конечно, если сам Бальтазар Вильк в исподнем ринется за мной, не раздумывая, сигану с балкона, и пусть уж тогда коварный крыжовник пеняет на себя. Но во всех других случаях, придётся искать иной путь.

Давя рвущийся наружу нервный смех, порой воображение у меня через чур живое, я перевалила вторую половину своей тушки на балкон. Осторожно просунула мастихин⁸ между створками балконной двери и поддела щеколду. Ф-фу, уже внутри. И до сих пор жива. Пока жива – ехидно подсказал внутренний голос интонациями Бальтазара Вилька.

– «Тьфу на тебя, дурак!» – обозвала я обоих и ввалилась в кабинет.

Пришла запоздалая мысль, что даже близко не представляю, где искать рисунок. Почему он должен быть в кабинете? Может Вильк держит его в спальне, чтобы полюбоваться перед сном. Миглом пригрезилось, как он в розовой пижаме левитирует над кроватью в позе лотоса и медитирует на мой рисунок. Тьфу, бред какой! Ну откуда, скажите на милость, у Бальтазара Вилька розовая пижама! Богини, о чем я думаю... Что-то в последнее время, стоит вспомнить о нём, и в голову сразу лезут непристойности. К чему бы это? К куцю Вилька! Приступим к разграблению могил, то есть к вскрытию стола.

Я решительно потянула на себя верхний ящик и навстречу, бестолково трепеща крылышками, вылетела стайка моли, доедавшая, как оказалось, старый несвежий платок. Фу, гадость! Или это такая ловушка для моли? Второй ящик порадовал кипой бумаг, недоеденным бутербродом и мышинным гнездом. А бутерброд специально для мышек? Одна серая негодница нагло обпищала меня и едва не цапнула за палец. Я поспешно задвинула ящик. Надеюсь, что рисунок не хранится в такой помойке. Ну, ведь не может же, правда? Исключительно ради очистки совести дернула ещё и третий ящик. Тот не поддался и в ход снова пошел мастихин.

Уже почти совладала с защелкой, как дверь в кабинет с грохотом распахнулась. Резко подхватившись с корточек, я от неожиданности выронила мастихин. На пороге кабинета стоял Бальтазар Вильк... голый, как и заказывала. Куцю меня за ногу! В следующий раз надо думать потише. Впрочем, чуть погрешила против истины. Пан Вильк не был гол как сокол, на его бедрах болталось ядовито-зеленое полотенце с приторными розовыми орхидеями. Всё такое куцее, изрядно потертое и, похоже, вообще ножное. Страх, таившийся в глубине меня, попытался ломануться наружу, но нелепый вид пана Вилька преградил ему дорогу. По логике эльфийских романов, полагалось узреть могучую грудь, рельефный пресс и подобные колоннам ноги, додумать нефритовую плодоножку под полотенцем и благовоспитанно хлопнуться в обморок, но образование губит в женщине нравственность. За время обучения мне довелось повидать сотню таких героев, без полотенец и даже фиговых листков. Наверное, поэтому проснулся чисто художественный интерес. Для героя худоват – сплошные жилы да кости. Какая там могучая грудь... Пресс, правда, наличествовал. Но ноги больше напоминали две кривые палки с кудрявой корой. Да ещё и правое бедро уродовали рваные шрамы. Богини пресветлые, и вот этого боялась?! Мышь из ящика была грознее! Он дёрнул мокрой головой, так что полетели клочья мыльной пены, я не выдержала и расхохоталась. Правду говорят, если чего-то боишься – смейся страху в лицо, и он уползет, поджав хвост. Может быть поэтому хохот уже было не остановить.

– Какого лешего вы ржете, словно лошадь на выгоне?! – раздраженно прорычал Вильк. – И что вы, куцю вас задери, делаете в моем доме?

Я честно попыталась ответить, но изо рта вылетел лишь невнятный всхлип, и меня одолел новый приступ смеха, ибо мокрая мышь в гневе, это уже чересчур. А, как говорится, в гневе вы смешны, то есть страшны, в смысле испугалась бы, если б так смешно не было.

Разъярённый Вильк, поняв, что ничего от меня не добьется, попросту схватил за локоть, выволок в коридор, а после выставил на улицу.

– Завтра придёте в чувство, жду от вас объяснений. Ясно?

Он даже не стал ждать ответа, а я успокоилась ещё нескоро и всю дорогу домой глупо хихикала, привлекая внимание припозднившихся прохожих. Перед глазами все ещё стоял герой в полотенце, а воображение подкидывало всё новые варианты развития событий.

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоя ночной стражи

Я был вне себя от гнева! Нет, совсем не оттого, что меня увидели в чем мать родила, и не оттого, что при этом выглядел, как дурак. А ведь наверняка выглядел. Ну-ка припомни, друг Бальтазар, когда над тобой в последний раз смеялась девушка? Но все это лирика. В мой

дом проникли, а я узнал об этом в последнюю очередь. Ловчие заклятия не сработали. Хотя, чему удивляться? В последнее время прихожу домой только спать, совершенно забросив свое жилище на произвол судьбы. Охранные чары износились, ослабли – и вот результат. А домовый бестолковейше проморгал незваную гостью. И зачем только держу в доме это мохнатое недоразумение?

– Пронька! Куда ты залез, чудище лопухое?! – прорычал я, тщетно пытаюсь найти пару от носка.

Домовой сердито сопел где-то за печкой.

– Где брат-близнец этого носка?

– Моль пожрала, Бальтазарушка, – злорадно донеслось из-за печки. – Ты их почаще в кабинете оставляй, она все твои носки слопаёт!

– Я, что, запер носки в кабинете?

– Да, ты, Бальтазарушка, давно в облаках летаешь. Так что, ничего удивительного.

Оставалось только пожать плечами. Если честно, в последнее время предпочитаю работать на кухне, ибо в кабинете царит жуткий бардак, а прибраться все руки не доходят. Проньку же не пускаю туда из-за охранных чар (будь они неладны), направленных на нечисть.

Я сменил гнев на милость.

– Ладно... Пронь, приберись в кабинете. Там все равно охранка поломана. Только бумаги никакие не выкидывай.

– Вот всегда так: Пронька то, Пронька это... Нет, чтоб молочка налить или сметанки, – недовольно бухтел домовый, вылезая из-за печки. – Как девке этой белобрысой, так канхветы посылаешь... а она опосля в дом без спросу лезет!

Но слушать его жалобы мне было недосуг. Сделает, никуда не денется. А самому в управление пора.

– «Твоя щепетильность тебя когда-нибудь погубит, друг Бальтазар», – мрачно подумал я.

Увы, отношусь к тому типу людей, которые спешат даже на собственную казнь, боясь опоздать к назначенному времени. Ведь знаю же, что ничего хорошего меня сегодня на рабочем месте не ждет, но стремлюсь туда с завидным упорством обречённого.

Глава 4 в которой происходит первое столкновение интересов

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоя ночной стражи

Черные камни брусчатки на кривых улочках старого города влажно поблескивали в свете фонарей. В воздухе висела противная туманная морось, пригнанная ветром со стороны Болотного края. В те редкие моменты, когда «мерзавец» не дул с залива, всегда приносил туман, гнилостный дух и лихорадку с болот, и эта дрянь оседала у нас, не долетая каких-то пятидесяти верст до Сабрии.

Я зябко поморщился и опустил трость на мостовую. Покалеченная нога раздражающе ныла, как капризный ребенок, которому не купили сладостей. Взять что ли повозку? Но проклятая погода распугала редких извозчиков. Они почему-то не выстраиваются в очереди у моего дома.

Воздух дрожал от дыхания холода. Не приведи богини, к завтрашнему утру морось на камнях замёрзнет ледяной коркой. Будет похуже ярмарочных горок на дешевых аттракционах. А уж с моей ногой поход домой и вовсе превратится в затяжную пытку.

Идти сейчас в управление совсем не хочется. Подозреваю, что капитан Брац не упустит момента вытереть об меня ноги.

До управления Ночной стражи я добрался насквозь отсыревшим и в три раза злее любой нежити. Унылая рожа застрявшего у дверей Марека радости не прибавила. Даже его рыжие вихры, вечно торчащие, как им заблагорассудится, отсырели и обвисли, превратив его в домового-утопленника.

– У нас дело отобрали, – вместо приветствия с надрывом сообщил он, передергивая худыми плечами. – Говорят, что мы не-ком-пе-тент-ны, – четко по слогам произнес он новое слово.

Меня же будто из ведра окатили. Как отобрали? Почему? А Казик? Он что, зря голову сложил? Брац хоть и тупой карьерист, но даже он понимает, что я буду копать, пока не доберусь до истины. Для меня это дело чести!

– Идем, – я подхватил Марека за шиворот и затащил в темный широкий холл. – Сейчас вернем обратно свое дело!

Внутри клокотала неудержимая ярость. Кто и что наплёл главе Ночной стражи, что он оставил нас на обочине? Родители Казимира? Убитых горем родных понять можно, что им остаётся, как не искать виноватого. Но вряд ли они сами догадались, кто-то подкинул им эту блестящую идею. Уж не Пшкевич ли постарался? Ведь с самого начала убийствами занимался он.

Длинный коридор с темными нишами, в которых скрывались изваяния именитых сыщиков Ночной стражи, грохотал от наших шагов. Я даже готов был подпрыгнуть, чтобы задрожали и посыпались колонны у входа, лишь бы капитан понял, что так просто отстранить меня не удастся... Погрудные статуи бывших глав Ночной стражи, украшавшие коридор и наделенные сторожевыми чарами, почуяли мою злость, и напряжённо проводили вспыхнувшим зеленым огнем глазами до самой приёмной. Подскакивший адъютант, бросился наперерез, но натолкнулся на открывшуюся дверь и замер в нерешительности. Брац, подобострастно расплывшись в многообещающей улыбке, провожал посетителя:

– Не извольте беспокоиться, пан Пшкевич. При вашем покровительстве, такая перспективная следовательница, как Люсинда Бряк, враз словит нам проклятую бестию...

Так вот оно что. Я застыл на месте. Пшкевич, изворотливая тварь, все-таки нашел способ вернуться в расследование. Люсинда там ни Виле свечка, ни дидьку кочерга, так ширма, чтобы было на кого всех собак повесить в случае неудачи.

– Если нам не будут мешать, – напыщенно бросил Рекар.

– Родители капрала Винека требуют судить пана Вилька, – начал капитан, но натолкнулся на мои сузившиеся глаза и позеленел. – Вы, вы, вы...

– Я!

– О! – довольно пропел Пшкевич. – Наш нерасторопный сыщик! Нога не беспокоит пан Вильк? Или вы теперь всё время будете отправлять подчиненных на смерть, чтобы сберечь собственные конечности?

Пришлось подавить всколыхнувшуюся ярость. Нашел больное место и не преминул ударить. Только мы еще посмотрим, кому сыграют гимн Кипеллена, а кого отпоют по всем правилам.

– Они мне ещё пригодятся, – коротко ответил я, – для хорошего пинка!

– Что вы себе позволяете? – принял и на свой счёт Брац, а пышущее злорадством лицо Пшкевича заметно поугасло.

– Имел ввиду убийцу, и того, кто за ним стоит...

– Она специально Казика убила, не из-за голода, – встрял Марек.

– Свои пинки, – бросив испепеляющий взгляд на моего помощника, предупредил капитан, – оставьте при себе. Запрещаю вам заниматься делом и мешать пану... панне Люсинде выполнять свою работу.

– Вы попробовали, и у вас, как обычно, не получилось, – отстранённо заметил Пшкевич, – Теперь в игру вступают профессионалы...

– Шесть убийств не игра, – отрезал я.

– Так решили в городском совете, им не нужна лишняя шумиха, – замахал руками капитан.

– Дело ваше, панове. Не хотите помощи, не надо...

Я кивнул им обоим.

– Отстранение ради вашего же блага! – попытался состроить хорошую мину при плохой игре Брац. – Было непросто отговорить родителей Казимира от судебных исков. Мы не можем позволить, чтобы репутации Ночной стражи был нанесён такой ущерб, но вы должны не мелькать... ну и городской совет...

– В моём лице, – высокомерно перебил Пшкевич, – не позволит вашей некомпетентности ставить под угрозу безопасность горожан.

– «Зря времени не терял, – рассматривая его забрызганные до колен сапоги, подумал я, – разузнал всё про тварь, судя по всему носом рыл у конюшни Ночвицких, и решил, что дело у него в кармане. Осталось убрать конкурента! Напел безутешным родителям Казика, кто, якобы, угробил их сына, и получил карт-бланш на расследование. Думает, что Люсинда станет ему в рот глядеть?».

Я довольно улыбнулся.

– Прошу прощения, капитан, у меня много других дел. Разрешите заняться?

Брац ещё сильнее заморгал, будто собирался взлететь, и не найдя подходящих слов, кивнул.

– Вам, Рекар, огромных успехов! Буду молиться пресветлым богиням два раза вечером и еще немного утром, чтобы вы поскорее избавили нас от угрозы безопасности горожанам, – издевательски заметил я, чуть склонив голову, – Передавайте от меня привет Люсинде, она такая милашка, вы станете прекрасной командой!

Я резко развернулся, с мстительным удовольствием прочитал недоумение на лице Пшкевича, и направился к своему кабинету. Марек изумлённо козырнул капитану и, сглотнув, бросился следом.

Загнанная в глубину злость с наслаждением вырвалась на волю. От резкого рывка хлипкая дверь едва не слетела с петель. Меня так колотило, что даже не заметил, как вцепился в Марека.

– Пан Вильк, – пробормотал он, осторожно отрывая мои пальцы от своего рукава.

Тьфу, ещё и парня перепугал. Сделав несколько глубоких вдохов, я, наконец, успокоился. Железные светильники, изрезанные причудливыми трафаретами, разбрасывали по кабинету угловатые тени. Над столом, поднятые необузданной силой моей ярости, еще кружились наши вчерашние записи, а в кресле, стараясь не подавать виду, ждал взволнованный посетитель. Немолодой кряжистый пан в коричневом аксамитовом жупане застыл, как старая птица на иссохшем болоте. Костистые руки вжались в широкий набалдашник резной трости, будто только он удерживал их в этом мире, не позволяя сорваться в тартарары. Широкое лицо с залитыми назад седыми волосами, маленькие хваткие глаза и длинный горбатый нос дополняли сходство с пернатым хищником. И сколько я не прогонял из голоса скопившуюся неприязнь, спросил чрезмерно резко:

– С кем имею честь?

– Вечер добрый, пан чародей, – надтреснуто откликнулся посетитель. – Ендрих Ночвицкий.

– И вам добра и удачи! Не застал вас вчера, чем могу быть полезен? – озадачено спросил я, усаживаясь напротив него за стол.

Неужели Рекар добрался и до Ночвицкого и меня ждёт ещё один иск?

– Обретался по торговым делам неподалеку, – туманно заметил Ендрих. – Пришёл лично поблагодарить за спасение моего сына. Коли не ваше лечение чародейское совсем бы плох был, а так, того гляди на поправку пойдёт. Наследник у меня один, так что просите, что хотите.

– Благодарю, – смутился я. – Мы выполняли свою работу, – но тут же поправился, – буду признателен, если поможете с похоронами капрала Винека...

– Слышал про вашего хлопца, – кивнул он. – С родичами его уже беседовал. Не пойму, чего они на вас так взбеленились. Только горе людей не красит, уж не обессудьте. А помочь, конечно, помогу. За сына моего смерть принял, так что сделаем всё в лучшем виде.

Ендрих поёрзал на стуле, еще сильнее теребя трость, но сказал прямо, без обиняков:

– Хочу, чтобы тварь убили!

Лицо совсем заостенело, чем окончательно превратило его в хищную птицу.

– Так запретили мне этим делом заниматься, – мрачно заметил я.

– Знаю, – он кивнул, – а ежели частным порядком сызнава возьметесь? В частном порядке вам никто не запретит.

Я еле сдержал улыбку, и задумчиво погладил бороду.

– В деньгах не обижу, шляхетское слово! – неверно истолковав моё молчание, бросил Ендрих.

Сами пресветлые богини послали мне Ночвицкого. Теперь ни капитан, ни проклятый Пшкевич не смогут возразить против моего расследования. Клиент нанял меня по своему собственному желанию, за свои кровные расты. Исполнять частные сыски мне уже приходилось. Поиски трактата длились шесть лет и оказались головокружительно дороги, поэтому приходилось брать за несколько заказов, чтобы пополнить свои запасы. Да и удовольствие в Ночной страже не слишком велико.

– По рукам, почтеннейший, мне и самому страсть как хочется, чтобы бестия получила по заслугам.

Ендрих выложил на стол туго набитый кожаный кошелек.

– Сто левков на расходы, – пояснил он, – а как закончите, сами цену назовете. Все уплачу честь по чести.

– Договорились, – я придвинул кошель к себе, – пан Ночвицкий, как ваш сын сможет говорить, пришлите мне весточку.

– Несомненно, пан чародей, несомненно.

Ендрих разогнулся и, цокая тростью по полу, вышел за дверь, а я подозвал Марека и потребовал, вручая ему исписанные листки протоколов.

– Бери список жертв и читай вслух!

Раскурил трубку и задумчиво закрыл глаза. Я что-то упускаю. Если за тварью кто-то стоит, а за ней кто-то стоит, между несчастными щеголями должно быть что-то общее.

Мой помощник взял бумаги и забубнил:

– Казимир Винек, капрал Ночной стражи, двадцати двух лет от роду, не женат...

С Казиком-то всё ясно, он занял своё место случайно. Вместо него тварь могла разделиться со мной или Мареком. Она будто хотела вывести нас из игры. Чтобы не путались под ногами и не мешали планам её хозяина.

– Любомир Дражко, ювелир двадцати девяти лет от роду, не женат. Родные голосят, что трех дней до тридцати не дожил...

Моё первое знакомство с делом. Щеголь в шикарном камзоле.

– Игнаци Лунек, лекарь, на днях двадцать семь исполнилось, не женат...

Вот лекарю не поздоровилось, бывает и такое в наше время.

– Збигнев Смашко, помощник адвоката, двадцати четырёх лет от роду, не женат... До двадцати пяти двух дней не дотянул...

Все молодые, холостые, богатые. Вполне возможно, что оставили свои семьи без наследников. И что удивительно, самую малость не дожили до очередного дня рождения. Может и не зря Казик на маньяка грешил? Хотя... Нет, не сходится, Ничек и Дарецкий совершенно в иную пору родились, а...

– ...Ясь Дарецкий, мастер сновидений, шестидесяти трех лет от роду, не женат... – продолжал тем временем бубнить Марек

Не женат околдовано повторил я про себя.

– Юзеф Ничек, художник двадцать три года, не женат...

– Стой, – вскинулся я, чуть не выронив трубку, – а ну ещё раз!

– Юзеф Ничек, ху...

– Нет, перед ним.

– Ясь Дарецкий, мастер сновидений, шестидесяти трех лет от роду...

– Вот! – довольно сообщил я. – Что с ним не так?

– Остальным в деда годится, – шмыгнул носом Марек.

– То-то и оно! Наша смешливица предпочитает молодых, а Дарецкий обед просроченный. Значит, то ли ненароком подвернулся, то ли был особо ненавистен её хозяину. Где его нашли?

– Так вестимо где, – буркнул помощник, – как остальных – на улице...

– Без отсебятины! – строго прервал я. – Читай давай!

Марек уткнулся в протоколы, и снова забубнил:

– Тело Дарецкого было обнаружено в Постромкином переулке на ступенях черного хода музейного дома. Тело лежало головой на тротуаре, ногами в распахнутом дверном проёме. Служители музея клялись, что этого пана никогда не видали.

– Достаточно, – я вздохнул. – Так откуда же к нам пожаловал мастер сновидений?

– Не кипелленский он, пан Вильк.

– Откуда же его принесло?

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

Я спала и видела сон. Передо мной стояла только что законченная гравюра. Круглая зала с семью дверями, из которых видно только четыре. Только откуда мне знать, что тяжелых дубовых дверей, окованных узорными решетками, семь?

Посреди залы неподвижным истуканом застыл мужчина в балахоне и, воздев руки над головой, запечатывал заклатьем один из семи проходов.

Я наклонилась над рисунком, и вдруг, будто свесившись через подоконник на улицу, провалилась внутрь.

Человек в гравюре резко обернулся, и мы сцепились долгими взглядами.

– Не ходи в сад! – наконец хрипло выкрикнул он. – Не ходи! – резкий взмах нарисованной руки вышвырнул меня вон.

Книга, прошелестев страницами, захлопнулась, и я проснулась, пребольно приложившись затылком о дощатый пол.

Первые несколько секунд ваша покорная слуга бездумно созерцала свои задранные ноги в толстых красных носках, лишь потом, сообразив, что во сне рухнула на пол вместе со стулом, резко отшатнувшись назад. А уснула на книжном развороте, который делала. В голове гудело, нещадно саднила бровь, разбитая накануне. Пошатываясь, я поднялась и тупо уставилась на гравюру, уверенная, что человек был изображен со спины. Сейчас же он стоял вполоборота ко мне, вскинув левую руку, будто кого-то толкая. Хотя, почему кого-то? Я потеряла ушибленный затылок, неожиданно замерев от ужаса.

– Богини милосердные и дети их, и внуки! Я тебя знаю! – простонала ваша покорная слуга, впиваясь в волосы и безнадежно застревая злополучным кольцом в спутанных кудряшках.

Со страницы на меня сердито смотрел мастер сновидений Ясь Дарецкий.

...всем людям снятся кошмары или навязчивые сны. И если, после пары испорченных сновидением ночей, оно не проходит, несчастные идут к сноходцам – мастерам сновидений. Когда это случилось, мне было восемь. Родители мои, витражных дел мастера, тогда осели в Борице – небольшом городишке на границе земель Растии и Фарниции. Там-то меня и настиг кошмар: какое-то лохматое, рогатое и зубастое чудовище гонялось за мной во сне, норовя съесть, а забавный коротконогий пушистик, вереща, крутился под ногами, пытаясь помешать. Ему не повезло. Чудовище сожрало пушистика прямо у меня на глазах. И я с воплем проснулась.

Узнав, что меня всполошило, мама посоветовала: «А ты нарисуй чудовище и сразу перестанешь бояться». Недолго думая, я со всем тщанием изобразила свой кошмар. Но на следующую ночь сон повторился, и на следующую...

Когда родители догадались отвести меня к сноходцу, я уже боялась спать.

Мастеру сновидений, пану Ясю Дарецкому, достало одного взгляда на мои почеркушки, чтобы понять в чем дело. Сама того не ведая, я привязала чудовище из сна к нашему миру, и теперь оно отчаянно стремилось вырваться на волю, подпитываясь моим страхом. Ещё одна ночь, и ему бы это удалось, а мне бы уже не суждено было проснуться. Уничтожать рисунок было нельзя, тогда тварь стала бы бесконтрольной, и одни богини знают, чем бы все обернулось.

Я так и не узнала, что сделал пан Ясь, чтобы меня спасти. Сноходец лишь потрепал несмысленную малявку по голове и успокаивающе сказал: «Не бойся, малышка, я выгнал его

из сада». А моим родителям посоветовал отправить меня в Школу Высших Искусств в Кипеллене. Кошмары мне больше не докучали.

Два года спустя, родители получили большой заказ в Кипеллене, а я поступила на факультет гравюры и пентаграммики. Как ни странно, но с паном Дарецким столкнулась совершенно случайно спустя много лет, здесь, в Кипеллене. Изрядно постаревший мастер сновидений узнал меня, забредя в лавку Врочека за каким-то свитком. Спросил, не мучают ли кошмары, тепло заверил, что если вдруг что-то подобное случится, всегда могу рассчитывать на его помощь. Сказал, что уже лет пять живет и практикует в Зодчеке. Даже карточку с адресом оставил.

Я резво подскочила и лихорадочно зашарила в верхних ящиках комода. Раз уж эта проклятая книга связана со снами, значит сноходцу с ней и разбираться! И победно взмахнув зажатой в руке карточкой, плюхнулась на кровать. За окном занимался холодный осенний рассвет.

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припомя ночной стражи

Прокуранный до горечи кабинет обнимал меня серыми крыльями одиночества, такого же холодного и мерзкого, как осенний рассвет, высветливший небо над заливом. Еще до полуночи, по приказу капитана мы лишились всех бумаг по делу, и Марек пришлось отправить на разведку. У него, в отличие от меня, был шанс выцарапать адрес Дарецкого у Люсинды. Но он не возвращался слишком долго, и мне начало казаться, что помощника сцапал Брац или того хуже Рекар Пшкевич.

Решив дать ему ещё несколько минут, я уставился на карту Кипеллена. Из имения Ночвицких бестия бежала на юго-восток. Должна была выскочить на набережную Чистинки, а оттуда у неё было две дороги. Либо на многолюдную, полную стражей улицу Четырех цепей, либо в Постромкин переулок. Меня передёрнуло. У музейного дома нашли вторую жертву. Как ни крути, а без пана Дарецкого нам не обойтись. Что-то старик знал. Что-то по-настоящему важное. Уж слишком он выбивался из числа прочих жертв.

Дверь распахнулась и грохнула о стену. В кабинет ввалился всклокоченный, но довольный Марек.

– Нашел! – закричал он, и я немедленно замахал руками.

– Громче поори! Чтоб не только этаж, а все управление услышало – капрал Бродски и магистр Вильк продолжают вести дело!

– Нашел! – в тон моему шипению пробормотал Марек, бесшумно закрыл дверь и на цыпочках пошел ко мне. – В вещах покойного карточка была, с адресом.

– Да не пищи ты, как холодный чайник на углях, – фыркнул я, – нормально говори. Что пообещал за сведения?

Карточка перекочевала ко мне, а помощник стушевался и опустил голову.

– Люсинду на свидание пригласил...

Я поперхнулся смехом, а из глаз брызнули слезы. Люсинда Бряк молодая очаровательная следовательница без семейных обязательств, души не чаявшая в сиреневых рюшах и рыжих парнях. С этим прицелом к ней и был отправлен Марек. Думал, построит немного глазки, улыбнется, но на серьёзные жертвы, клянусь пресветлыми богинями, не рассчитывал. Люсинда – полутроль! Семь футов ростом и центнер весом. Хорошо хоть не зелёная. Хвоста тоже не видел, но ведь она его может и прятать. В каждой девушке ведь должна быть загадка.

– Недооценил твою смелость!

– Для дела же, – обиделся Марек. – Мне вообще-то маленькие нравятся.

– Да будет тебе, – еле выдавил я. – Своя ноша не тянет...

– Вот и несите её сами, – огрызнулся помощник.

– Припою такое не под силу, – делано вздохнул я, и добавил, чтобы отвлечь его от тягостных дум. – С некоторых пор, для меня любовь под запретом.

Насупившийся Марек взглянул на меня с жалостью. Тогда я хлопнул ладонью по столу и сказал:

– Поохотали и будет. Что у нас там с адресом... – кусок тисненного пергамента пестрил витиеватыми каллиграфическими завитушками: «Пан Ясь Дарецкий, мастер сновидений. Устранение кошмаров и навязчивых снов разной степени сложности. Зодчек, Книжный квартал, улица Песочная». Вот так хоровод!

– Когда уходит ближайший баркас в Зодчек?

– Так эта... – помощник почесал голову, ещё больше взлохмачивая рыжие вихры. – В девять, кажись.

– Успеем! Возьми-ка нам два билета, – я кинул ему монету из кошелька Ендриха Ночвицкого, – и жди у причала.

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

Странная вещь полуночное бдение. Никогда не знаешь каким сюрпризом обернется. Лишь после того, как я бодро плюхнулась с зажатой в руке карточкой на кровать, вдруг осознала, что не хочу спать. Ну, вот нисколько. Между прочим, уникальное состояние для такой засони. В голове назойливо вертелась мысль, что мне надо в Зодчек, срочно! Главное придумать объяснение для Врочека. Не говорить же старику, что мне требуется консультация мастера сновидений из-за книги, которую нельзя было выносить из лавки. Съесть меня пан Франц, конечно, не съест, но пожует изрядно.

Озадачено обведя взглядом нехитрое убранство своей комнаты, терявшееся под серым пологом вступавшего в свои права раннего утра, я остановилась на рабочем столе, где тускло поблескивал флакон чернил. Открытый! Ай-яй-яй, беспорядок какой!

Если в меня что и вколотили за время обучения, так это то, что кисти нельзя оставлять в воде, а тушь и чернила – открытыми. Из первых вылезет ворс, а вторые можно запросто опрокинуть на работу.

Хм-м... по лицу расплзлась довольная улыбка. Теперь точно знаю, что скажу Врочеку, выпрашивая неурочный выходной. А после, главное успеть на утренний баркас и, здравствуйте, пан Дарецкий! Довольная собой, я вприпрыжку поскакала в ванную.

– Гоните Сняву прочь,

Великих дел довольно спозаранку

И чтоб не смежил веки

Нахала сонный поцелуй

Носки мы вывернем три раза наизнанку...

Бодро напевала я себе под нос песенку из представления уличного театра. Про носки они, конечно, сморозили полную чушь, но песенка была так забавна и так соответствовала моему утреннему настроению, что эта мелочь показалась несущественной.

В лавку я ввалилась, пребывая в приподнятом настроении, но озадачено застыла в проеме, не совсем понимая, какого лешего всегда спокойный и причесанный пан Франц скачет в одном исподнем со съехавшим набекрень спальным колпаком и сачком наперевес. Ася, полупрозрачным мороком висят у стола, покатывалась со смеху. Лишь расслышав писк и отчаянное верещание, я заметила троицу из волшебного народца, упрямо тащившую к выходу кулек с леденцами. А поскольку каждый из них считал, что главный именно он, выходило у них, как

в сказке про сильфа, гнома и водяного. Где сильф пёр в небеса, гном – под землю, а водяной – в озеро.

Тут пан Франц решил, что хватит с него дурной беготни и пошел в решающую атаку. Фейри заверещали ещё громче и рванули в разные стороны. Кулек лопнул и вокруг рассыпались разноцветные сладости. Наглые малявки, подхватив, кто сколько успел, пища, кинулись к выходу и, ловко пропетляв между ветвями проснувшихся деревьев, вылетели вон. А Врочек, грозно потрясая сачком, остушился, поскользнувшись на рассыпанных леденцах, и с грохотом растянулся на полу.

Я наконец-то захлопнула двери и поспешила к нему, стараясь не наступать на коварные конфеты.

– Что-то ты рано сегодня... – подозрительно прокряхтел Врочек, с моей помощью поднимаясь на ноги и потирая тощую поясницу.

– Согласна приходить так всегда, если вы продолжите свое выступление в портках против нечисти, – хихикнула я.

– Не язви, – беззлобно огрызнулся пан Франц, – зато мне удалось выяснить, кто крадет сладости в моем кабинете!

– И атаковать их сачком – лучшее, что пришло в твою седую голову, Францишек? – хмыкнула Ася. – Пожалел бы меня, старую, чуть нутро от смеха не надорвала!

– Было бы что надрывать, – чуть смущенно буркнул старый книгопродавец, – и вообще, кыш отсюда, покойница!

– Ха, да больно надо! – Ася с гордо задранной головой ускользнула вглубь лавки.

– Так чего так рано-то? – продолжил допытываться Врочек, кутаясь в принесенный из комнаты халат.

– Отгул бы... Мне в Зодчек нужно.

– Сегодня, что ль? С чего это тебе приспичило? – подозрительно сощурился он.

– Сегодня, – постаралась изобразить кристально честные глаза я, – чернила закончились, а работы, вы сами знаете, сейчас выше крыши.

– И в Кипеллене ты их, конечно, купить не можешь. Продавцы рылом не вышли? – Врочек уже откровенно издевался.

– Ну, хорошо, – пожала я плечами, – куплю в Кипеллене, пусть потом у пана Вилька иллюстрации при первой же сырости поведет...

Упоминание Вилька заставило старика пойти на попятную.

– Это тебе что, киноварно-дубовые нужны? Ну ладно... – он тяжело вздохнул, будто я просила у него не выходной, а душу на заклятие. – Езжай, но чтоб завтра на работе была, как штык! И бардак этот – он указал на пол, – прибери сейчас. Ближайший баркас в девять отходит, успеешь, – и, шлепая домашними туфлями без задников, грозный начальник поковылял наверх, болезненно держась за поясницу.

Глава 5 в которой всему виной стечение обстоятельств

Из личных записок Бальтазара Вилька, мага-припоя ночной стражи

Колокол на храме Четырех Пресветлых разогнал морозно-сонную тишину утра, оповестив о начале благого времени восемь раз. Я сошёл со ступеней управления Ночной стражи и полной грудью вдохнул колкий воздух, изгоняя остатки табачного дыма из легких. Потянулся и замолотил руками по воздуху, едва удержав равновесие. Обледеневшая лестница чуть не ушла из-под ног, подтвердив мои вчерашние подозрения о гололеде. Осень самая скользкая и подлая пора! Она выбивает почву из-под ног, когда еще веришь, что зима далеко.

Я кое-как уперся в скользкие плиты тростью, стиснул набалдашник и снизу выскочил толстый четырехгранный шип в пять дюймов длиной – мой маленький секрет для непредвиденных ситуаций. Сойдёт и для обледенелой мерзости под ногами.

Пройдя полквартала, как одноногий шилоног, я едва не бросился под колеса, чтобы поймать экипаж и перестать изображать придуманное чудовище. Под промерзшим кожаным полом оказалось холоднее, чем на улице, но хотя бы не разъезжались ноги. Нестерпимо воняло плесенью, даже пришлось заткнуть нос платком.

– Гони! Довезешь до верфи Мнишека за пять минут, получишь пять растов!

Возница цокнул на лошадей, и экипаж понёсся через город. Колёса, может и проскальзывали по наледи, но казалось, что мы летим. Видимо кто-то очень хотел получить обещанную прибавку, и небольшой порт быстро приближался. Он годился для спуска новых судов, швартовки пассажирских баркасов и разгрузки пришлых посудин. Имя Мнишека стояло только в названии верфи, на деле ею ведали каперы и контрабандисты. О них знала Ночная стража, портовая управа и городской совет. Знал весь Кипеллен от книгопродавца, прикупавшего через налаженную сеть раритетные фолианты до градоначальника – большого любителя султанешского табака, которого в Кипеллене днем согнем не сыщешь, а если и удастся, то по такой цене, что проще бросить курить. Поэтому каждый получал свою выгоду и жил припеваючи, а владелец верфи, достопочтенный пан Мнишек, имел свою долю с контрабанды.

Растия хоть и выходила к Янскому морю, но к такому пестревшему рифами и скалами мелководью, что об обширной морской торговле могла только мечтать. Мелкие городишки и рыбацкие деревеньки рассыпались по всему побережью, но портовыми, да и то с натяжкой, назывались только Зодчек и Кипеллен в заливе Святого Щуса, ну ещё Градижск-на-Рванке на востоке Рваной косы.

– Приехали, пане, – постучал в стенку возница, прерывая барабанную дробь моих зубов.

Стараясь не слететь со ступеньки, я выбрался наружу и кинул извозчику заслуженные пять растов⁹. У причала меня уже поджидал Марек, пританцовывающий от холода. Из теплых вещей на моём помощнике красовался лишь красный вязаный шарф, а шерстяной сюртук, бриджи и толстые чулки не очень-то спасали от колючего морозного воздуха. В Зодчеке, конечно, должно быть теплее, но по пути Марек рискует превратиться в ледышку.

– Ну как, достал? – заговорщицки осведомился я, пряча улыбку в усах.

– В лучшем виде, пан Вильк! – Марек протянул мне помятый квиток.

– Тогда на борт, капрал, а то есть риск потерять и второго помощника, – криво усмехнулся я, сочувственно взглянув на его синие руки.

Над баркасом уже покачивался заиндевевший парус, а всю палубу, кроме капитанской рубки, скрывал невысокий навес. Забравшись по сходням, мы юркнули под него и блаженно застыли. От нескольких жаровен разливалось ласковое тепло, а царящий полумрак убаюкивал

и обещал приятное путешествие. Летом на баркасе оставляли одну крышу из плотной материи, зимой же пассажирский павильон обтягивали толстым войлоком, пропитанным особым составом, защищающим пассажиров от дождя и холода.

– Хорошо! – выдохнул Марек.

– Как у Люсинды под боком, – едва слышно хрюкнул я, так чтобы он не расслышал, и добавил громче, – выбирай лучшие места!

В дальнем углу павильона уже кто-то сидел. Когда глаза привыкли к полумраку, меня передёрнуло. По сиденьям распласталась жуткая горчичная шаль, похожая на крылья гигантской огнёвки – мерзкого ночного мотылька, всё с того же злополучного Янского архипелага. Из рыжего кокона, в коем с трудом опознал скрученный шарф, высывались пышные короткие кудряшки. Ещё пару бессонных ночей, приму такое дремлющее «чудо» за «чудо»-вище и испепелю огненным заклятьем. Врочек потом конечно будет ругаться, но готов поклясться, что моя собственная жизнь станет чуточку радужнее.

Стараясь не обращать внимания на надоедливую девицу, я выбрал место подальше и с наслаждением вытянул покалеченную ногу. Влезла в мой дом! В мой кабинет! В мой стол! Её уже слишком много в моей жизни. Это неспроста! Рисунок только отговорки, он не стоит и презентованной коробки шоколада. Она затевает что-то ещё, и скорее всего такое, что я ещё пожалею, что не испепелил её на месте.

Из рассказа Аланы де Керси,

младшего книгопродавца книжной лавки «У Моста»

Бледное от легкого морозца солнце расцвечивало жидким серебром осеннее море, к середине жовтня перекрасившееся из зеленого в серо-бурый. Холодный воздух мерзко покусывал за уши, напоминая, что уже далеко не травень¹⁰

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.